

СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ ПРИХОДСКОГО ОГЛАШЕНИЯ, КРЕЩЕНИЯ И ВОЦЕРКОВЛЕНИЯ

Автор: Священник Евгений Горячев

Книга глубоко рассматривает, как теоретические, так и практические вопросы организации и проведения огласительной работы на приходе

СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ ПРИХОДСКОГО ОГЛАШЕНИЯ, КРЕЩЕНИЯ И ВОЦЕРКОВЛЕНИЯ

Священник Евгений Горячев уже более десяти лет с желающими принять таинство крещения проводит огласительные беседы.

По окончании Санкт-Петербургской Духовной Академии он защитил дипломную работу по теме «Традиция оглашения и крещения в Русской Православной Церкви», которая включает в себя историческую часть, описание современного практического опыта оглашения и библиографию.

К сожалению, сейчас люди, принимающие крещение, часто не проходят оглашения и вследствие этого не становятся полноценными членами Церкви. Многие из них даже не знают, какие обеты дают они Богу у купели Крещения, какая ответственность возлагается на них как на христиан и членов Церкви.

С этой дипломной работой было бы полезно ознакомиться священнослужителям, мирянам-катехизаторам и всем, обучающимся катехизаторскому делу.

«Традиция оглашения и крещения в Русской Православной Церкви»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глава I ТРАДИЦИЯ ОГЛАШЕНИЯ

Глава II ТРАДИЦИЯ КРЕЩЕНИЯ

Глава III ВОСПРИЕМНИКИ

Глава IV СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ ПРИХОДСКОГО ОГЛАШЕНИЯ

Глава V ПРАКТИКА ПРИХОДСКОГО КРЕЩЕНИЯ И ВОЦЕРКОВЛЕНИЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Церковь есть продолжающееся в истории Боговоплощение Христа Спасителя. Христос не только неотступно пребывает, но и непрестанно экклезиологически умножается в исторической жизни мира подвигом сознательной веры и нелицемерной любви откликнувшейся на Его призыв твари. Рост церковного Тела не может прекратиться так же точно, как не может прекратиться его сверхъестественная жизнь (*ср. Мф. 16:18*). От зарождающей эпохи Пятидесятницы до завершающей эпохи Апокалипсиса мистическая плоть церковного Организма будет неизменно расширяться и обновляться каждым новым членом-христианином.¹ Каждым новым человеком, решившимся однажды, подобно апостолу Фоме, засвидетельствовать при встрече с воскресшим Христом об окончании своих поисков и непреложности своего выбора словами: «Господь мой и Бог мой» (*Ин. 20:28*).²

Поиск и выбор в человеческой жизни – явление общераспространенное: мы постоянно кого-нибудь ищем и постоянно что-нибудь выбираем. Но чем серьезнее поиск, тем сложнее выбор: искать работу и искать смысл – не одно и то же, выбирать спутника жизни и выбирать веру затруднительно, но не в равной мере... Поверить Благой Вести, быть может, труднее всего, сказать Христу: «Ты мой Бог» просто невозможно без дара благодати Святого Духа. Но, вместе с тем, дар подается трудившимся, готовившим в себе почву для даровосприятия. Самостоятельный подвиг такого труда – удел очень немногих, основная масса людей нуждается в поддержке, в помощи тех, кто подобный путь уже проделал и имеет, что передать. В этом смысл и богословское основание не только миссионерской проповеди, но и огласительной беседы (*Мф. 28:19-20*). В этом причина, по которой церковному рождению в таинстве Крещения должен предшествовать определенный период плодоношения: вынашивания своей веры в глубинах своего естества, в общении с теми, кто поставлен быть детоводителями, следить за тем, чтобы плод родился здоровым и своевременным.

Традиция подобного «детовождения» в древней и современной общецерковной, а в особенности русской богослужебной жизни, – главная тема данного исследования. При всей значимости и самостоятельности темы Крещения, его практическое осуществление в исторической жизни Церкви рассматривается нами лишь в качестве иллюстрации онтологической связи между предварительным научением и вхождением в Церковь посредством Таинства.

Глава I ТРАДИЦИЯ ОГЛАШЕНИЯ

В древней Церкви оглашением или катихизацией называлась тщательная подготовка обратившихся в христианскую веру к вступлению в Церковь через

¹Ср.: Шмеман А., прот. Водю и Духом. М., 1993, с.48.

²Ср.: Лосский Вл. Догматическое богословие. Киев, 1991, с.335.

Крещение. По мнению некоторых богословов, традиция продолжительного оглашения появилась не сразу: «В апостольское время крещение следовало непосредственно за исповеданием веры во Христа без предварительной подготовки. Для христиан из иудеев такая подготовка была ненужной, а что касается христиан из язычников, то ее заменяла апостольская проповедь. Когда прошло исключительное в истории Церкви время апостольской проповеди, от желающих вступить в Церковь стало требоваться предварительное обучение».¹ Действительно, для обратившихся иудеев новизна апостольского свидетельства заключалась поначалу лишь в личности пришедшего Мессии Иисуса, чье богочеловеческое достоинство, неповторимо выразившееся в событиях Воплощения, Воскресения и Вознесения, а также в ниспослании Святого Духа на учеников в день Пятидесятницы, – становится основным предметом религиозной веры первых иудеохристиан.² Другое дело язычники, для них богочеловечество Иисуса Христа и дарованное Им спасение падало «как бы с неба», и поэтому для них нужда в серьезном предварительном оглашении являлась естественной необходимостью. Поэтому очень скоро практика «незамедлительного» крещения обратившихся язычников (*Деян. 8:35-37*)³ стала сосуществовать, а в итоге уступать место другой также апостольской традиции крещения и воцерковления связанной с продолжительным оглашением (*ср. Деян. 18:25-27; 20:31; Лк. 1:4*). Строго говоря, сама заповедь Христа о Евангельской проповеди: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам...» (*Мф. 28:19-20*), не допускает иной схемы апостольской миссии и тайносовершения, чем та, которая последовательно отражена в словах Господа: **идите, научите, крестите.**

Об этом же порядке приема в Церковь свидетельствует раннехристианская письменность. В древнейшем памятнике церковной литературы послеапостольского периода Дидахе уже содержится четкий катихизический элемент. По мнению исследователей «Учение о двух путях» не что иное, как традиционная схема систематизированного христианского оглашения.⁴ Вполне определенные указания на практику катихизации мы находим у св. Иустина Философа. Он говорит о том, что всех, кто поверит тому, что «это учение и слова наши истинны, и обещается, что может жить сообразно с ними, тех учат, чтобы они с молитвой и постом просили у Бога отпущения грехов».⁵ «Ерм в своем Пастыре упоминает о тех, кто слушает слово и желает принять крещение. У Тертуллиана мы уже встречаемся с самим термином *catechumenus*...»^{*} Климент Александрийский именует оглашенных

¹Афанасьев Н., прот. Вступление в Церковь. М., 1993, с.80.

²Ср.: Соловьев Вл. Догматическое развитие Церкви. – BIBLIOTHEQUE SLAVE DE PARIS COLLECTION SIMVOL 5, 1994, с.36.

³Ср. толкование таких крещений Тертуллианом: Тертуллиан. О Крещении. – В: Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994, с.103.

⁴См.: Асмус В. свящ., Дунаев А.Г. Предисловие к: Учение двенадцати Апостолов. Рига, 1992, с.12.

⁵Св.Иустин Философ и мученик. Творения. Библиотека отцов и учителей Церкви. – М., 1995, т.1, с.92.

*Интересно и другое высказывание этого знаменитого богослова, прямо подтверждающее тезис о наличии

слушателями. Ориген говорит о двух группах оглашенных: 1) те, кто еще не допускались на собрание и 2) те, кто допускались. У Ипполита Римского наряду с группой оглашенных мы находим вторую группу: это те же оглашенные, которые по окончании обучения признаны были достойными принятия крещения... Срок пребывания в разряде оглашенных колебался в зависимости от эпохи, но с III века наиболее обычным сроком пребывания было два или три года. Однако это время могло быть удлинено или сокращено, так как пребывание в разряде оглашенных, по выражению Ипполита Римского, определяется не временем, а поведением. Так, например, Эльвирский собор удлинил для жрецов время пребывания в разряде оглашенных до трех лет, вместо обычных двух. Наоборот, болезнь могла сократить огласительный срок до минимума»,¹ однако, с условием, что в случае выздоровления «крещеный-клиник» пройдет традиционную катихизацию. Что же касается существенной стороны наставления в вере, т.е. объема и содержания огласительных бесед, то они также не могли быть одинаковыми. «Иначе, без сомнения, должны были наставлять людей необразованных и простых, и иначе – образованных и ученых. На такое различие наставления приспособительно к степени умственного состояния мы находим определенные указания у блаженного Августина. В своем трактате «De catechizandis rudibus» он весьма ясно и подробно говорит о том, чему и как учить людей разного образования, людей уже знакомых с христианством или напротив, не искренно к нему расположенных».²

Обязанность обучения катихизируемых лежала как на представителях клира, так и на богословски образованных мирянах, и те и другие совершали вероучительное тайноводство в служении словом. В целом ряде мест на протяжении многих столетий существовали огласительные училища, образование в которых по глубине и охвату предметов не уступало академиям язычников.³ Так было в Риме при свв. Иустине и Ипполите, в Эдессе, Антиохии и конечно же в Александрии, начиная со времен Климента и Оригена.

Достигнув высшего расцвета в IV-V веках, традиция оглашения начинает постепенно приходить в упадок. В Византии VI века мы наблюдаем ее стремительное умаление. Главной причиной этого «умаления» является то обстоятельство, что, начиная с V века, почти исключительным контингентом крещаемых в Византии становятся младенцы. Крещение взрослых происходит все реже и реже, но даже по отношению к ним практика оглашения применяется в значительно упрощенном виде.⁴ Весь уклад жизни Империи этого времени становится формально христианским, так что сама жизнь до некоторой степени

в ранней Церкви практики продолжительного оглашения: «утверждаю, что оглашенные, хотя и могут желать креститься, но не должны быть допускаемы к этому слишком скоро... Ибо тот более достоин благодати, кто более потрудился, более поисправил себя» (Тертуллиан. О покаянии. – В: Тертуллиан. Творения, СПб., 1847, ч.2, с.92).

¹Афанасьев Н., прот. Указ. соч., сс.80-81.

²Алмазов А. История чинопоследований Крещения и Миропомазания. Казань, 1884, сс.45-46.

³Ср.: Мейендорф И., прот. Введение в святоотеческое богословие. Вильнюс-Москва, 1992, с.80.

⁴Алмазов А. Указ. соч., с.61.

заменяет оглашение. В X веке мы уже сталкиваемся с чисто символической попыткой сохранить, а точнее формально обозначить былую катихизическую традицию на детях, крещаемых в отроческом возрасте.* «В Константинополе, – пишет о. Михаил Арранц, – детей не крестили очень рано. Они подходили к крещению постепенно: в 8-ой день им нарекали имя перед дверями храма, на 40-ой день они воцерковлялись, становились христианами, как говорят источники, еще перед самым крещением. Они становились оглашенными «иже ко просвещению», на 4-ой неделе Великого Поста **вероятно несколько лет спустя** (выделено мной – Е.Г.). Они отрекались от диавола и сочетались Христу в Великую Пятницу.... И наконец, на Вечерне Великой Субботы они получали крещение и миропомазание от рук Патриарха в баптистерии, пока в храме читались Паремии».¹ Однако вскоре, ущербность подобной практики становится очевидной даже для самых ярких сторонников сохранения формального оглашения, так что уже к XII веку мы не встречаем в Византии срока, оставленного для подготовки к крещению детей большего, чем сорок дней, что фактически совпадает с днями послеродового очищения матери.

* * *

«Христианство само в себе одно; но народы, его содержащие, различны... Мы, русские составляли с греками одну церковь; но мы вовсе не составляли с ними одного духовного целого в отношении к просвещению. Следовательно, у нас христианство могло воспроизвестись в нашем смысле не только несколько отлично от них, но и совсем в своем особом образе».² Без учащих нет научения; и по-настоящему научить может лишь тот, кто сам действительно научен...

Отсутствие в древнерусских летописных источниках фактического материала огласительного характера не позволяет исследователям вопроса о крещении Руси св. князем Владимиром идти дальше смелых сравнений и широких предположений, впрочем, не лишенных иногда исторической правдоподобности. Так, например, известный церковный ученый Е. Голубинский считает, что определенное систематическое оглашение нашего народа все-таки имело место: «Когда предстояло крестить целый народ, то, конечно, не могло быть и мысли о том, чтобы везде наставить в вере всех и каждого; в подобных случаях уже по неизбежной необходимости большая часть людей исполняет простой приказ. Но если не было возможности нигде наставить всех, то была возможность везде наставлять некоторых... Можно и должно предполагать, что на те отдельные лица, которые по тем или другим причинам имели особенный авторитет между своими согражданами, было обращено особое внимание посредством людей особенно на это способных».³ Очевидно, что последними могли быть только сами крестившие

* «...в настоящее время младенцы делаются слушающими или оглашенными не потому, что они способны в этом возрасте принимать наставления, но чтобы соблюсти древний обычай существовавший, как уже сказано, при Апостолах» (Феодульф еп. аврелианский «De Baptism»; цит. по: Алмазов А. указ. соч., с.34).

¹ Арранц М., о.и. Исторические заметки о чинопоследовании таинств. ЛДА, 1979, с.18.

² Голубинский Е. История Русской Церкви. Т.1. Ч.II. М., 1997, с.877.

³ Голубинский Е. Указ. соч. Т.1. Ч.I., сс.165-166.

нас греки и возможно помогавшие им священники-болгары.¹ И тех, и других на огромные массы крещаемого населения Руси было явно недостаточно. Через определенный промежуток времени в новой Поместной Церкви, как и в любой другой, появляется своя национальная иерархия; число духовенства растет, но проблема остается. «Пастыри берутся из народа; и если нет просвещения в народе, то неоткуда взять и просвещенных, способных на должном уровне исполнять обязанность учительства, пастырей».² Отсюда естественная слабость древнерусского церковного оглашения: во-первых, потому что с самого начала для катихизации взрослого языческого населения Руси использовалась поздневизантийская практика сокращенного «детского» оглашения (разумеется речь идет о хронологических рамках); во-вторых, даже такие чересчур мягкие требования для вступления в Церковь не реализовывались в огласительной деятельности нашего духовенства не по лености, а по неспособности. И то, и другое положение документально подтверждается нашими церковными источниками XI-XIII столетий. Так, в новгородской церкви XII века огласительные молитвы для болгарина, половца, чухонца начинались за сорок дней, для взрослого славянина за восемь, молодого же отрока-славянина крестили вовсе без научения, впрочем, с формальной оговоркой, «что, если бы он подготовился несколько дней, было бы гораздо лучше».³ «Вероятно, предполагалось, – пишет по этому поводу Голубинский, – что инородца язычника гораздо труднее научить начаткам христианской веры, чем язычника русского, который, живя прежде среди христиан, мог приобрести уже некоторые предварительные о ней понятия. Очень может быть также, что имелось в виду и то соображение, чтобы слишком большою продолжительностью приготовления не отталкивать русских, еще остававшихся в язычестве, от принятия христианства».⁴ Если почтенный историк прав, то напрашивается очевидный вопрос: а достаточно ли восьми дней оглашения для вчерашнего, хотя бы и знакомого с христианством, язычника; не свидетельствует ли вековая история русского двоеверия об отрицательных последствиях этой ускоренной катихизации? Увы, но практически всегда духовные законы работают одинаково: чем меньше и поверхностней готовят человека к восприятию Церкви как тайны, тем больше он воспринимает ее как магию... О том, что вероучительного наставления явно не хватало, говорит еще и тот факт, что из сорока дней, отведенных на подготовку к крещению взрослого инородца, собственно «изустное наставление» занимало не больше одной пятой от общего срока. Остальное время оглашения проходило «в молитве и действе пресвитерском»,⁵ сообщавшем более ощущения, нежели мысли...

Что же касается «учительной немощи» самих учителей, то здесь недостатка в

¹Там же.

²ср.: Голубинский Е. Указ. соч. Т.1. Ч.II., с.832

³См.: «Вопросы Кирика и ответы Нифонта». – Русск. историч. библ. Т.4. Ч.I. СПб., 1880, с.33; цит. по: Алмазов А. Указ. соч., с.61.

⁴Голубинский Е. Указ. соч. Т.1. Ч.II, с.427.

⁵См.: Арранц М. Чин оглашения и крещения в древней Руси. – Символ. № 19, 1988, сс.75-77.

фактическом материале явно не наблюдается.¹ К счастью, текстуальное обнаружение этих «грустных» примеров духовного невежества не является задачей данного исследования; а в качестве слабого национального утешения можно сказать лишь то, что другого результата в сложившихся обстоятельствах, для страны еще во многом варварской, просто и быть не могло. «Остается подивиться, – пишет профессор А.В. Карташев, – насколько русскому стихийному человеку казался противным и тот невеликий умственный труд, какой требовался для постижения искусства чтения (что уж говорить о богословских глубинах, – Е. Г.). Предпочитали медленное, путем долголетней практики, механическое затверживание наизусть со слуха всех церковных чинопоследований».²

Традиция детского оглашения претерпевает в древнерусской церковной жизни определенные изменения, совершенно аналогичные вышеуказанной эволюции детского оглашения в Византии VI-XII веков. Практика длительного трехгодичного приуготовления, в случае крепкого здоровья ребенка, какое-то время существовала в нашей Церкви при греческом митрополите Иоанне (ум. 1080 г.), но, очевидно, не получила широкого распространения и закончилась вскоре после его смерти.³ Затем, практически до XIV века, общераспространенным «огласительным» сроком становятся сорок дней со дня рождения младенца, но уже в XV веке считается условным и этот минимум, детей крестят «по первому требованию», и это «безразличие» становится обычной нормой для всех последующих столетий.⁴

Относительно катихизации взрослых в последующие периоды русской церковной жизни можно сказать лишь то, что она не претерпевает каких-либо существенных изменений вплоть до середины XVIII века; инородцев зрелого возраста по прежнему готовят к крещению не более сорока дней, причем большая часть этого времени проходит в многократных огласительных молитвах и весьма скромном (один раз в неделю) собственно вероучительном наставлении. Общекультурные, просветительские начинания Петра I в какой-то степени отразились и на практике церковного оглашения. Указ Св. Синода от 1740 года говорит о «всеусердном поучении неверных прежде крещения» в богословских истинах православной веры, сроком, длительность которого должна соотноситься с «успешностью усвоения оглашенными сообщаемых им истин».⁵ В XIX веке канонические правила Русской Церкви определяют обязательное обучение желающих вступить в Церковь: в течение шестимесячного срока для лиц, не достигших 21 года и в течение сорокадневного срока для лиц после 21 года.⁶ Данная эпоха характеризовалась мощным развитием российской

¹См.: Одинцов Н. Порядок общественного и частного богослужения в древней России до XVI века. СПб., 1881, с.103; Голубинский Е. Е. Указ. соч. Т.1. Ч.II, с.857; Карташев А.В. Очерки по истории русской Церкви. Т.1. М., 1991, сс.210-211.

²Карташев А.В. Указ. соч., с.211.

³Одинцов Н. Указ. соч., с.142.

⁴Алмазов А. Указ. соч., сс.600-604.

⁵Цит. по: Алмазов А. Указ. соч., с.62.

⁶Алмазов А. Указ. соч., с.63.

богословской науки, что справедливо сулило благие плоды и в сфере церковного оглашения, однако, очень скоро смерч коммунистической революции совершенно уничтожил не только богословскую традицию, но и большую часть православных катехизаторов вместе с потенциальными оглашаемыми. В стране воцарилась традиция государственного атеизма... Конечно, миссионерская и катехизаторская работа в эпоху большевистских гонений никогда не прекращалась совсем, отдельные примеры такого «контрреволюционного» опыта просто бесценны, но именно в силу своей «отдельности» рассеянности по крупинкам в десятилетиях церковного безмолвия мы не всегда можем использовать этот опыт в нынешней российской действительности.

Теперь уже не секрет, что к государственным реформам, вошедшим в отечественную историю под именем «Перестройки», Русская Православная Церковь не сумела подготовиться надлежащим образом: с 1988 по 1990 годы в ее храмах крестились сотни тысяч вчерашних безбожников, из них только десятки, если не единицы с предварительным оглашением. Последствия этой «грандиозной» всероссийской акции выразились в степени воцерковленности современного общества: из общего числа крестившихся за этот период людей, только немногие регулярно посещают православные храмы; остальные же, увы, – церковные «мертвые души». И в тоже время ни у одного здравомыслящего церковного человека не повернется язык обвинить священноначалие в грехе нерадения, ибо понятны причины, по которым даже минимальная норма традиционного оглашения оказалась за бортом тогдашних событий. Во-первых, не было уверенности, что очередная идеологическая оттепель не обернется для Церкви очередными заморозками, как это уже не раз случалось в предыдущие годы советской истории. Поэтому, пользуясь моментом, спешили крестить как можно больше без всякой катехизации, в определенном смысле истолковывая сложившуюся ситуацию как «крещение страха ради смертного». Во-вторых, даже когда окрепло убеждение, что речь идет не о временном лукавом послаблении, а о радикальной государственно-идеологической реформе, Церковь более полувека принуждаемая к миссионерскому и катехизическому молчанию, не смогла в кратчайшие сроки выставить из своей среды достаточное количество людей, способных на практике реализовать приемлемую форму вступления в тайну богочеловеческого Организма. Даже сегодня, спустя десятилетие, таких людей все еще не хватает, что же говорить о прошлом. Автору вспоминается рассказ одного молодого уральского священника, достаточно ярко характеризующий внутрицерковную ситуацию того времени в границах указанной проблематики. Этот священник был рукоположен в первые годы перестройки и сразу же активно включился в катехизаторскую деятельность. Его сослуживец, почтенный отец-протоиерей не замедлил высказать свое недовольство, ссылаясь на то, что в его время никому и в голову не приходило утруждать решившихся креститься еще и какими-то дополнительными беседами. Молодой священник согласился, что для того времени сама решимость до некоторой степени заменяла необходимую подготовку; но теперь, когда желание

и возможность креститься не связаны ни с какой серьезной жертвой, Церковь просто обязана с традиционной ответственностью отнестись к своим новым неокрепшим чадам. Очевидно, что **период вынужденного упадка и насильственной немощи не может служить примером новой традиционности...** Церковь должна вернуться и уже возвращается к практике **такого** приема в свое Естество, какой подразумевается самой сутью совершаемого Таинства.

Решительные сдвиги в этом направлении на уровне официальных постановлений высшей церковной власти произошли в 1991 году; указом Священного Синода создан отдел Московской Патриархии по религиозному образованию и катихизации в целях «объединить методически и организационно разные слои церковного общества в деле просвещения и катихизации».¹ На Отдел возложены практические организационные задачи, научно-богословская помощь и координация усилий отдельных приходов, братств и епархий, а также других церковных и общественных структур в стремлении последовательно реализовать Божественную заповедь о всемирной евангельской проповеди (*Мф. 28:19-20*). В этом смысле данная работа в целом, а в особенности ее вторая практическая часть посвящены этой же непреходящей задаче.

Глава II ТРАДИЦИЯ КРЕЩЕНИЯ

Прием в Церковь с самых первоначальных времен не осуществлялся через одно исповедание веры. Человек, таинственно не родившийся от воды и Духа, не мог сделаться действительным причастником Божественной жизни, несмотря на любое, хотя бы и самое глубокое понимание христианского богословия. «Ибо как в естественном рождении нужно сначала получить бытие, а потом уже делать и испытывать, что нам свойственно., так и в божественном возрождении нужно прежде начать существовать для Бога, а потом уже делом обнаруживать любовь к Нему и все прочее, что относится к доброй жизни».² Такое возрождение называлось также крещением и воспринималось самой Церковью в качестве непреложной божественной заповеди (*Ин. 3:3-5*). Подобные заповеди получили в православной традиции наименование таинств, ибо в их церковном осуществлении христианин не столько понимает, сколько испытывает переживания, сущность которых не только не может быть полностью выражена средствами формально-логического языка, но и вообще ускользает от человеческого понимания. Христос, обещавший оставить Себя христианскому миру «до скончания века» (*Мф. 28:20*), исполнил Свое обещание в заповеданной Церкви сакраментологии. Вступление в Церковь через

¹Цит. по: Каледа Г., прот. Задачи, формы и структуры катихизации в Русской Православной Церкви в современных условиях. – Путь Православия, № 1. М., 1993, с.21.

²Преп. Максим Исповедник. Примечания к трактату «О Церковной иерархии»; цит. по: Писания Отцев и Учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения, Т. I. СПб., 1855, сс.44-45.

крещение являлось вступлением в Тело Христово: «ибо все мы одним Духом крестились в одно тело» (1 Кор. 12:13), человек, «родившийся свыше», становился членом народа Божьего, и именно поэтому Церковь с древнейших времен относилась к этому акту с исключительной серьезностью. В первую очередь это означало вышеуказанную практику оглашения; во-вторых, молитвенное предстательство участвующих в катихизации о готовящихся к Таинству, соединенное с аскетическими усилиями поста; последнее свидетельствовало о крепкой духовной связи учеников и учителей задолго до самого крещения. «Кто убедится и поверит.., и обещается, что может жить сообразно.., тех учат, чтобы они с молитвой и постом просили у Бога отпущения прежних грехов, **и мы молимся и постимся с ними**» – (выделено мной – Е.Г.).¹ Наконец, целостное всеобщее участие христианской общины в совершающемся вступлении в Церковь ее новых членов, выражалось в том, что после крещения неопитов вели «...в общее собрание, к так называемым братьям для того, чтобы со всем усердием совершить общие молитвы, как о себе, так и о просвещенных... По окончании молитв мы приветствуем друг друга лобзанием. Потом к предстоятелю братии приносится хлеб и чаша воды и вина...».² Как видно из этого описания, второй акт древнего приема в Церковь совершался в церковном собрании непосредственно перед причащением евхаристических Даров.* И то, и другое совместное сакраментальное переживание являлось как выражением радости народа Божьего о новых братьях и сестрах, так и свидетельством самой Церкви о состоявшемся принятии в нее новых членов.

Этот древнейший порядок вступления в Церковь, засвидетельствованный и другими памятниками раннехристианской письменности,³ связан с самой сущностью таинства крещения. «Как и всякое таинство, – пишет о. Николай Афанасьев, – таинство приема совершается Церковью в Церкви... Прием в Церковь не является индивидуальным актом, совершаемый лицом, имеющим способность совершить таинство крещения. **Вступление в Церковь имеет отношение не только к лицу, которое принимается в Церковь, но и ко всей Церкви Божией...** (выделено мной – Е.Г.) В описании Иустина мы не находим прямых указаний, кто фактически совершает таинство приема в Церковь, но это умолчание только относительное. Когда Иустин говорил «мы», то оно у него означало церковный народ, который включает в себя предстоятеля церкви, так как без последнего не могло быть самого церковного народа. Это было основное положение древней эkkлезиологии. **В таинствах священнодействует вся Церковь во всей полноте, в которой каждый ее член служит в своем царственном священническом звании**» (выделено мной – Е.Г.),⁴ что никоим образом не противоречило

¹Св. Иустин Философ. Указ. соч., с.92.

²Св.Иустин Философ. Указ. соч., с.106.

* Существует мнение, по которому «поцелуй мира» завершал в церковном собрании древних христиан современный чин миропомазания. См.: Афанасьев Н., прот. Указ. соч., с. 38.

³Дионисий Ареопагит. О Церковной иерархии. СПб., 1855, сс.34, 43; Св. Ипполит Римский. Апостольское предание. Богословские труды. № 5. М., 1980, с.288.

⁴Афанасьев Н., прот. Указ. соч., сс.35-38.

общепринятой норме совершения конкретного церковного таинства лицом, имеющим на это соответствующие сакральные полномочия; народ Божий включает в себя совершителей таинств.

Относительно времени совершения крещения известно, что первоначально «каждый день мог стать днем Господним»,¹ но уже со II века прием в Церковь новых членов осуществляется в дни особого богослужебного торжества. Вначале таковыми были Пасха и Пятидесятница, затем, в виду увеличения количества вступающих в Церковь, к этим дням присоединяются другие великие праздники: Богоявление, Рождество, и, наконец, праздники в честь апостолов и мучеников. Глухим отголоском подобной традиции служит современная литургическая практика: на некоторых двенадцатых праздниках, а также в Страстную Субботу и Пасхальную седмицу на божественной Литургии вместо «Трисвятого» поется «Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь». Этими словами древняя Церковь напоминала впервые присутствующим на Евхаристии о том, что они соделались ее живыми членами. Постепенно с падением огласительной дисциплины специальные даты для совершения приема в Церковь исчезают, каждый день становится, как и в апостольские времена «днем Господним». На Востоке это происходит к концу XI века, на Западе только в XIII.²

Приблизительно с V века, в связи с изменениями церковного устройства и прогрессирующей христианизацией взрослого населения Византийской империи, начинается процесс изменения порядка совершения приема в Церковь. На особенности перемен в системе оглашения мы уже указали. Что же касается практики крещения, то она меняется в силу возникновения дополнительных богослужебных центров, что было вполне естественным в виду все возрастающего числа верующих. В порядке новых идей пресвитерам, возглавляющим теперь отдельные богослужебные собрания, была передана власть совершать Евхаристию, что логически подразумевало совершение и всех остальных возможных для пресвитера священнодействий. Закономерность подобного процесса не позволяет назвать его, – как это делает о. Николай Афанасьев, – экклезиологически противоречивым.³ Напротив, такая эволюция провиденциальна...⁴ Другое дело, каким образом получилось так, что система указанных изменений сделалась почвой для появления практики приема в Церковь, обособленного и отделенного от церковного общества? Древняя традиция содержала такую практику в виде исключения. Крещение «клиников» вне церковного собрания не могло служить основанием для превращения важнейшего литургического акта в частную потребу. Мы знаем, что это произошло и существует в Церкви по сей день. Почему?

Нам кажется, что церковный акт сделался частным по двум причинам. Во-первых, из-за неоправданного, в применении к богочеловеческим реальностям,

¹ См.: Афанасьев Н., прот. Указ. соч., с.41.

² Афанасьев Н., прот. Указ. соч., сс.42-43.

³ Там же, сс.45-46,52.

⁴ См.: Шмеман А., прот. Таинство верных.– Вестн. РХД., N114. 1974, с.26.

чисто логического рассуждения: если традиционное соборное участие в оглашении христианских младенцев ненужно, то такое же всеобщинное участие в их крещении ненужно соответственно... Действительно, богословски оправдано согласиться с тем, что формальное присутствие полноты церковного собрания на многообразных, а то и многолетних, огласительных молитвословиях, совершаемых одним священником, вещь крайне бессмысленная, а подчас и просто невозможная (когда, например, такие молитвословия совершаются не в воскресный день); но это вовсе не означает, что надо признать второстепенным присутствие этой же соборной полноты на самом крещении, традиционно воспринимаемом как акт литургический. «Младенцы к принятию крещения приносятся не только теми, у которых бывают на руках, сколько целым собранием святых и верных. Это делает вся мать Церковь... Она всецело рождает всех и каждого».¹ Евхаристичность церковно-общинной жизни является тем центральным сущностным стержнем, на который необходимо нанизывается всякое «общее дело». Церковь не только живет, но и постоянно обновляется в соборной Евхаристии, узнавая, таким образом, свои новые члены. Этого не происходит, когда крещение отделено от литургии или евхаристически не опознано многими членами церковного общества, отсутствующими на этой «будничной» службе. Это, конечно, не означает, что будничных литургий быть не должно; еще во II веке св. Игнатий Богоносец призывает малоазийские церковные общины «чаще собираться для Евхаристии и славословия Бога. Ибо если вы часто собираетесь вместе, то низлагаются силы сатаны, и единомыслием вашей веры разрушаются гибельные его дела».² Очевидно, что частое собрание не могло быть в то же время всеобщим, но это не мешало осуществлять периодический прием вступающих в Церковь литургически-соборно. С VI века эта норма начинает ослабевать по схеме евхаристической центробежности: вначале детей крестят и вводят в собрание верных в дни, когда верные по большей части отсутствуют, затем крещение становится возможным вне литургического действия в целом, затем, – эта же схема переносится на крещение взрослых...

Вторая причина указанной перемены вытекает из первой и, может быть, названа забвением церковным народом своего «царственного священнического достоинства». Современное, так называемое, «школьное» православное богословие справедливо отрицает возможность вступления в Церковь помимо Церкви, но

¹ Блж. Августин. «De catechizandis rudibus». Цит по: Алмазов А. Указ. соч., с.323.

² Св.Игнатий Антиохийский. Послание к Ефесянам 13. – Писания Мужей Апостольских. Рига, 1992, с. 313; сравните это с мнением предстоятеля Русской Православной Церкви, высказанном в декабре 1997 года на епархиальном собрании города Москвы: «Под лежащий камень вода не течет – специалисты и средства сами не появятся, нужно проявлять инициативу и больше молиться, чтобы Господь помог. Конечно, в одноштатном приходе семейному священнику невозможно совершать ежедневное богослужение, но если священников трое – четверо, а в храме нет службы? Говорят, в будни нет народа. Так если не служить, его и не будет! Но даже если и несколько человек придет и совершится Божественная служба, **уже этим мы потесним зло, действующее в мире**» (выделено мной – Е.Г.). Алексей II, Патр. Моск. и всея Руси. Обращение к клиру и приходским советам храмов города Москвы. – цит. по: Московский Церковный Вестник. № 1. М., 1998, с.2.

понимает под этим единственно совершение таинства крещения лицом, имеющим на это соответственные полномочия. «С точки зрения школьного богословия, совершение крещения и миропомазания священником служит полной гарантией того, что прием в Церковь совершается в Церкви»,¹ в то время как самая суть древней православной экклезиологии строится на принципе совместного служения всех членов богочеловеческого Организма в едином Духе, различными дарами; в том числе и в церковных таинствах. В качестве подтверждения этого, к сожалению, еще для очень многих спорного, положения приведем довольно пространную цитату из книги о.Александра Шмемана о Литургии. Говоря о сути единого священнодействия Церкви, «где служат не священник, и даже не священник с мирянами, а Церковь, которую все они вместе составляют и являют каждый на своем месте во всей полноте», – этот известный православный богослов пишет: «Христос одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых» (*Евр. 10:14*), но Церковь, будучи Телом Его, **сама есть священство, приношение и жертва**. И если мы в Церкви живем любовью Христовой..., то любовь эта в том, чтобы мы «поступали в мире сем, как Он» (*1 Ин. 4:17*). Он же пришел спасти мир и за него отдать Свою жизнь. Чем же спасается мир, как не жертвой Христовой и как еще мы можем исполнять служение Христа, если не участием в Его жертве. Вот это и есть «всеобщее священство» Церкви: само священство Христа, в которое она посвящена, будучи Телом Его...» Следовательно, вопрос о различных служениях «всеобщего священства» «неотделим от вопроса о назначении самой Церкви..., которая, будучи новым народом Божиим, собранным, искупленным и освященным Господом Иисусом Христом, – Им **посвящена** для свидетельства о Нем в **мире и перед миром...** И в этом смысле, «священство» мирян состоит не в том, что они суть как бы священники второго разряда в Церкви – ибо служения различны и никогда не должны быть смешиваемы, а в том, что, будучи **верными**, т.е. членами Церкви, они **посвящены** в служение Христово миру и осуществляют его, прежде всего, участием в приношении Жертвы Христовой за мир... Для исполнения этого служения (в качестве постоянного основополагающего начала, – *Е.Г.*) мы и собраны в Евхаристии... Отсюда смысл литургии не в том, что в ней священник служит за мирян, а миряне участвуют в службе каждый «для себя», а в том, что все собрание, в соподчинении друг другу всех служений, составляет единое Тело для осуществления священства Иисуса Христа».²

Возвращаясь к исторической стороне вопроса, следует еще раз подчеркнуть печальную зависимость частного характера позднейшего приема в Церковь от невосполненного ослабления огласительной дисциплины. В Церкви последующих эпох продолжали рождаться ее новые члены, но теперь все реже и реже это рождение было литургическим, т.е. церковным по сути. Индивидуализация «общего дела» сделалась драматической реальностью вначале в православной Византии, а затем и в России.

¹Афанасьев Н., прот. Указ.соч., с.35.

²Шмеман А., прот. Таинство верных. – Вест. РХД. № 114, сс.20-24.

* * *

Не только в древний домонгольский период, но и гораздо позднее, приблизительно до середины XVII века, крещальная практика Русской Православной Церкви находилась в естественной и сильной зависимости от соответствующей практики греческой. Следовательно, было бы крайне несерьезно пытаться отыскивать в традиции юной церкви-дочери тот идеал древнего воцерковления, который уже на протяжении многих веков отсутствовал в традиции церкви-матери. Русское литургическое творчество, всегда тяготевшее к консерватизму, являло немногочисленные примеры богослужебных перемен, серьезность которых была заранее ограничена.¹ **Менялись особенности чинопоследования, но не менялись особенности чиновосприятия.** В этом контексте, главным интересом данного участка исследования становится связь русской крещальной традиции с литургической практикой.

О том, что такая связь имела место, свидетельствуют письменные церковные источники указанного периода; другое дело, насколько глубоко эта связь осмыслялась? По мнению Н. Одинцова, использовавшего первоисточники чинопоследований крещения XI-XVI веков, «обычай причащения новокрещенного на литургии, которая следовала непосредственно за этим таинством, вполне согласен с богослужебной практикой церкви Греческой».² Даже в XVI веке «после миропомазания происходило троекратное обхождение вокруг амвона, заменившееся, как видно, троекратным обходом вокруг купели, совершаемое в настоящее время. В этом случае под амвоном разумеется, без всякого сомнения, возвышение, стоящее посреди церкви и предназначенное для архиерейского служения, на котором стояла быть может купель, и совершалось само таинство крещения, – иначе нельзя объяснить себе этого действия».³ Однако, в XVII веке, судя по требнику Патриарха Филарета Романова (издан в Москве в 1623-1625 гг.), связь между этими таинствами стала слабее: «Достоит же ведати, яко аще будет тогда Литургия, предходит новопросвещенный на великом переносе держа во обеих руках по свеще, и причащается святых Таин Христа Бога нашего».⁴ Крещальная литургия до этого момента обязательная (хотя бы и при отсутствующих прихожанах), становится теперь только возможной: «если будет тогда (в день крещения) литургия...».⁵

Семнадцатое столетие известно в нашей церковной истории как время влияния богословской и богослужебной традиции Киево-Могилянской Духовной Академии на весь строй Русской церковной жизни. Влияние это было двояким: с точки зрения развития системы духовного образования, его положительное

¹См.: Любый Ф. свящ. Сравнительный анализ чина оглашения и крещения в древней Руси и чинопоследования оглашения и крещения в настоящее время ЛДА, 1989 (машинопись), сс.2,89.

²Одинцов Н. Указ. соч., сс.82, 151-152.

³Там же, с.263.

⁴Цит. по: Арранц М. Чин оглашения и крещения в древней Руси. – Символ. № 19. 1988, с.93.

⁵Голубинский Е. Указ. соч. Т.1, Ч.II, с.424.

значение бесспорно; однако, вероучительная ориентация этого влияния (будучи во многом прокатолической) оставляла желать лучшего. Отрицательные последствия схоластических заимствований в области сакраментологии вообще и в таинстве крещения, в частности, окончательно превратили «один из центральных моментов церковного богослужения и благочестия в частную потребу».¹ Именно это богословское направление, – по мнению о. Александра Шмемана, – «окончательно вытеснило крещение из литургии Церкви... Если для действенности таинства необходим лишь священник и немного воды, если, более того, важна только одна действенность, то почему не свести все таинство к этим основным элементам? Почему бы и не использовать для экономии нашего драгоценного времени воду и елей освященные заранее? К чему обращать внимание на архаические предписания вроде того, чтобы все свечи были возжжены и чтобы священник был облачен в белую одежду? Зачем вовлекать приход, общину, народ Божий во все это? Таким образом, в настоящее время крещение может совершиться в течение пятнадцати минут в темном уголке храма при участии одного только отвечающего на вопросы священника псаломщика, – и это таинство, в котором святые отцы видели и провозглашали величайшее торжество Церкви, таинство, которое «наполняет радостью ангелов и архангелов и все силы земных и неземных творений», таинство, к которому Церковь готовилась в течение сорокадневного поста и которое составляло самую суть ее пасхальной радости».²

К этим грустным замечаниям следует отнестись со всей серьезностью: не переоценивая, но и недооценивая нынешнее церковное положение. При всей справедливости подобной критики не надо думать, что описанное состояние крещальной практики и до сих пор остается повсеместно без изменений. Дело движется, хотя и не быстро... О конкретных успехах и недостатках новых современных способов приема в Церковь мы поговорим во второй, практической части нашей работы, а теперь перейдем к последней главе, завершающей теоретическую часть данного исследования.

Глава III ВОСПРИЕМНИКИ

Эта традиция восходит к практике древней Церкви. Первоначально восприемник был тем, кто приводил желающего креститься в Церковь, свидетельствовал о нем перед христианским обществом до и после оглашения и, наконец, воспринимал его из крещальной купели в самый момент совершения Таинства.

В Дидахе имеется предписание о том, чтобы крещаемые, крестящий

¹Шмеман А., прот. Водю и Духом. М., 1993, с.9,11.

²Там же, с.11.

и «некоторые другие» лица постылись перед совершением крещения.¹ Мы уже упоминали о том, что такими лицами были церковные катехизаторы, однако вполне возможно, что среди них могли быть и те, кто первоначально приводили этих неопитов к предстоятелю.² Забегая вперед, следует сказать, что восприемники, в зависимости от своих учительных дарований, могли быть или не быть катехизаторами своих подопечных.

Уже к началу III века встречаются упоминания о христианских восприемниках как о церковных «поручителях» (лат. – *sponsores*).³ Описание роли такого поручителя содержится и в «Апостольском Предании» св.Ипполита Римского. Из этого описания следует, что главная функция христианина, приведшего неопита в церковное собрание, заключалась в свидетельстве перед предстоятелем местной общины о жизни оглашаемого во время его оглашения. В первую очередь поручителей спрашивали о степени духовной устремленности их подопечных: «жили ли они честно, пока были оглашенными, почитали ли вдов, посещали ли они больных, совершали ли добрые дела». Положительный ответ поручителя становился, в подобном случае, основанием для объявления оглашенного достойным вступления в Церковь.⁴ У автора трактата «О Церковной иерархии» говорится о том, что в самый момент совершения таинства, записанные ранее для соборного поминовения имена крещаемого и его поручителя, произносились перед лицом всей общины; таким образом, каждый присутствующий видел духовно ответственного за нового брата или сестру.⁵ «После крещения, – пишет о. Николай Афанасьев, – функция поручителя прекращалась, во всяком случае, после некоторого времени, когда крещенный достаточно осваивался с жизнью церкви. Потребность в поручительстве должна была особенно чувствоваться, когда при гонениях появилось большое количество падших. Институт восприемников должен был окрепнуть и развиваться именно в это время».⁶

Несмотря на то, что публично-служебные функции восприемника формально заканчивались вскоре после крещения, личная духовная связь между ним и тем, кого он привел к купели, не порывалась. Особенность таких взаимоотношений восходила к веку апостолов: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос» (*Гал. 4:19*). Апостол Павел духовно родил галатов, хотя неизвестно, крестил ли он кого-то из них (*ср. 1 Кор. 1:14-17*). В соответствии с этим считалось, что церковная деятельность восприемника до и в самый момент крещения способствовала духовному рождению воспринятого им из купели. В определенном смысле крестившийся и его поручитель становились духовными родственниками, причем восприемник мог рассматривать себя в качестве духовного отца воспринятого им духовного чада.

¹Учение Двенадцати Апостолов. Писания мужей апостольских. Рига, 1992, с.28.

² Алмазов А. Указ. соч., сс.611-612.

³См.: Тертуллиан. О Крещении. Избранные сочинения. М., 1994, с.104.

⁴Св.Ипполит Римский. Апостольское предание. – Богословские труды. № 5. М., 1980, с.288.

⁵Ср.: Дионисий Ареопагит. Указ. соч., сс.34-35.

⁶Афанасьев Н., прот. Указ. соч., с.87.

В виду вышеизложенных обстоятельств, с VI века начинается повсеместный перенос функций восприемничества с крещения взрослых на крещение детей. Если при крещении взрослых крестившийся приобретал духовного родителя, то вполне понятно естественное психологическое желание сохранить духовного родителя и за младенцем. Еще в V веке духовное родство не противопоставляется физическому: блж. Августин свидетельствовал о том, что в его время восприемниками детей были собственные родители.¹ Но постепенно складывается убеждение, которое позднее найдет каноническое выражение в правилах Трулльского собора (691-692) о том, что духовное родство важнее союза по телу (*см. 53 правило*).

При перенесении функций восприемничества на крещение детей, древние обязанности претерпели значительные изменения. Теперь роль восприемников не заканчивалась крещением, а напротив, только начиналась. Собственно «воспринимая» младенца из купели, восприемник становился свидетелем и поручителем перед Церковью в том, что его духовное чадо будет воспитываться в христианской вере. «Вероятно, как и в настоящее время, обучение детей лежало главным образом на родителях, а не на восприемниках. Духовное родство, которое связывало восприемника с воспринятым, вытекало из участия в таинстве крещения, точнее, из восприятия младенца из крещальной купели. При крещении взрослых связь восприемника с тем, кого он воспринимал при крещении, рождалась из того, что он приводил его в Церковь, ходатайствовал о нем и свидетельствовал, что он достоин быть принятым в Церковь. Все эти функции отпали. Из этого ясно, что учение о духовном родстве, как оно окончательно сложилось, было не столько отражением действительного взаимоотношения между восприемниками и воспринятыми, сколько результатом богословской спекуляции».²

Обычай иметь двух восприемников разного пола явился дальнейшим развитием спекулятивного направления в указанной области. Если восприемник – духовный родственник, то, по аналогии с рождением от двух родителей физических, считалось возможным и оправданным установление двойного родства духовного. На Западе, уже начиная с VII века, подобная практика, несмотря на протесты церковной власти, становится обыкновением; хотя ее окончательное каноническое санкционирование предписывается только Тридентским собором (1545-1563). Из католической Церкви этот обычай постепенно проникал на православный Восток и имел определенное распространение в Византии во времена св. Симеона Солунского.³ В России, несмотря на неоднократные протесты высшей церковной иерархии, обычай иметь двух восприемников появляется с XIII века.⁴

Будучи некогда живым церковным институтом, восприемничество постепенно утратило свое первоначальное значение, превратившись в по-прежнему

¹См.: Алмазов А. Указ. соч., с. 615.

²Афанасьев Н., прот. Указ. соч., с.89.

³См.: Алмазов А. Указ. соч., сс.629-630.

⁴См.: Одинцов Н. Указ. соч., с.138.

обязательный, но малоэффективный, абстрактный обычай. Эта потеря значения была вызвана в первую очередь тем, что при новой изменившейся практике, для большинства восприемников оставались неясными собственные специфические функции, особенно касающиеся поручительства перед Церковью. Действительно, если в древности церковный поручитель свидетельствовал перед собранием верующих о том, что конкретное, приведенное им в общину лицо, достойно принятия в Церковь, потому что вера, дарованная ему Богом, сознательно укреплялась им и в обучении христианскому богословию, и в обучении христианской жизни, то теперь, напротив, подобное свидетельство носило отвлеченный формальный характер; восприемник ручался за будущее, а это всегда проблематично. Именно этим обстоятельством можно объяснить специфику практических комментариев по данному вопросу, составленных российским священноначалием для сельского духовенства XIX века: «Восприемник ручается за веру и благочестие крещаемого, и Церковь принимает это ручательство в том смысле, что он будет наставлен в том и другом отношении, как только будет иметь способность понимать учение. Таким образом, крещаемому младенцу дается только возможность быть истинно верующим, но воспользоваться ею или совсем устранить ее – это уж зависит от него. И восприемник не отвечает за то, если при всем усердии его к своему делу, оно не увенчается желанным успехом».¹ Вопрос единственно в том, что подразумевается под этим усердием? Например, вполне понятна чрезвычайная требовательность блаженного Августина, перечисляющего обязанности восприемников, потому что он обращается к христианским родителям, для которых забота о полноценном религиозном воспитании своих детей является целью с наличными средствами: «Я прошу, – говорит он, – чтобы каждый мужчина и каждая женщина, восприявшие детей от святой купели, всякий раз, когда наступают пасхальные торжества, припоминали, что они суть споручники веры, и потому должны всегда поддерживать в воспринятых ими заботливость об истинной любви, увещевали бы их беречь чистоту, сохранять девство до брака, удерживать свой язык от злословия и клятвопреступления, не произносить устами соблазнительных песен, и не питать в сердце злобы и ненависти, убегать гаданий, чародеев и всех служителей дьявола, – требовали бы, чтобы они содержали веру католическую, чаще ходили в церковь, и, оставив рассеянность, внимательно слушали божественные чтения, – чтобы принимали странников, и, как сказано было им при крещении, умывали ноги пришельцам, жили дружелюбно, священникам и родителям оказывали почтение с любовью».² Исключение могли составлять случаи, когда вера родителей была недостаточной, отсутствовала вовсе или к крещению приводили детей, родители которых оставались неизвестными. Но исключения, как известно, только подтверждают правило. Ибо требовать ручательства за будущую церковную добродетель крещаемых от людей, не имеющих физической возможности постоянно соприкасаться со всем жизненным укладом своих

¹См.: Руковод. для сельск. паст., N50, 1878, с.567; цит. по: Алмазов А. Указ. соч., с.622.

²Блж. Августин. «De catechizandis rudibus». Цит. по: Алмазов А. Указ. соч., с.621.

крестников, значит заранее обрекать реализацию такого обещания на неудачу. В церковной истории подобная ошибка исправлялась негласным возвращением к естественному порядку вещей, когда дети получали практическое религиозно-нравственное воспитание в собственных семьях, притом, что главными учителями в этой области считались крестные. К сожалению, очень часто неясность функций восприемников приводила к ослаблению чувства ответственности, которую брал на себя восприемник перед духовным чадом и Церковью. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в периоды богословского упадка стали возможными случаи выбора восприемников не только по чисто житейским «недуховным» соображениям, но и совершенно нецерковная тенденция выбора крестных среди иноверцев и несовершеннолетних.*

Требование от восприемника духовного совершеннолетия являлось естественным желанием Церкви видеть в своих поручителях сознательных выразителей ее священной традиции. Церковно несведущие не могли быть восприемниками в принципе. На практике указанное «совершеннолетие» включало в себя с внутренней стороны: активную принадлежность к православной Церкви (восприемник не мог состоять в разряде кающихся, т.е. быть под епитимьей), достаточное знакомство с ее вероучением и жизнь, достойную этого высокого звания; со стороны внешней – физическую способность к духовному поручительству (в дореволюционной России возраст крестных соответствовал церковным нормам брачного совершеннолетия, т.е. 15 лет для восприемника и 13 лет для восприемницы).¹

В Русской Православной Церкви традиция восприемничества ничем не отличалась от позднейшей греческой, за исключением малосущественных различий во взглядах на количество восприемников.² Поэтому совершенно напрасно стремиться обнаружить в нашей церковной истории примеры восприемничества, по сути соотносящиеся с практикой древней Церкви. Октябрьская революция и последующий период государственного атеизма привели к тому, что на огромных пространствах некогда православной империи, сорокадневные младенцы и их крещеные восприемники всех возрастов – фактически уравнились в степени своей церковности. «Ибо, можно ли считать воцерковленной бабку, которая во время «Тебе поем», расталкивая локтями, двигается вперед, чтобы поставить свечку».³ Кого и как сможет она научить, будучи избранной в восприемники?

*Апогеем подобных «недоразумений» Афанасьев считает так называемое «заочное восприемничество», которое не имеет никаких церковных оснований и находится в противоречии со всем смыслом института восприемничества. «Духовная связь между восприемником и воспринятым им младенцем рождается из участия в таинстве крещения, и это участие, а не канцелярская запись в метрической книге, возлагает на него обязанности по отношению к воспринятому. При заочном восприемничестве «восприемник» в таинстве крещения не принимает участия и никого он не воспринимает из крещальной купели. Поэтому никакой духовной связи между ним и крещеным младенцем не может быть: фактически последний остается без восприемника». Афанасьев Н., прот. Указ. соч., с.92.

¹См.: Алмазов А. Указ. соч., с. 640.

²Ср.: Алмазов А. Указ. соч., сс. 632-640.

³Каледа Г. свящ. Указ. соч., с.20.

На епархиальном собрании города Москвы в декабре 1997 года Святейший Патриарх Алексей II назвал современное российское общество, формально принадлежащее Церкви, вынужденным объектом церковного миссионерства: «Нам предстоит заново проповедовать Христа нашим соотечественникам и ввести в лоно Православной Церкви тех, кто имеет православных предков, но не получил в детстве христианского воспитания и вырос вне церковного влияния».¹ Поэтому в нынешней российской ситуации вопрос о восстановлении церковного идеала восприимчивости не отделим от вопроса о восстановлении самой церковности в целом. Возможные перспективы на этом пути будут указаны в следующей практической части данной работы, а также в заключительных выводах.

Глава IV

СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ ПРИХОДСКОГО ОГЛАШЕНИЯ

В настоящей главе представлена рабочая схема минимального церковного оглашения в современных приходских условиях. Конечно, в виду вышесказанного, следует признать, что подобная схема далека от идеала, но и бесплодной ее не назовешь, – что тоже не мало. В каком-то смысле это то, что уже сейчас можно совершать в русских православных храмах, где штат духовенства не ограничен одним священником. Указанный катихизический минимум включает в себя три огласительные и одну покаянную беседы, проводимые со взрослыми неопитами и восприимчивыми младенцев за неделю до совершения таинства. Главным девизом, объединяющим все содержание этих бесед, являются слова Спасителя: **«Я есмь путь и истина и жизнь»** (Ин. 14:6), интерпретированные применительно к общей схеме данной огласительной практики. Автор стремился к тому, чтобы ее живые особенности, в виде характерного разговорного языка и соответственных примеров, полностью сохранились на страницах настоящего исследования.

Оглашение первое: «ИСТИНА»

Священник или помогающий ему мирянин-катихизатор обращается к собравшимся на крещение людям:

– Все кто пришел на крещение: крещаемые и крестные, родственники и друзья, пожалуйста, все подойдите сюда. Традиция обязывает сказать вам несколько слов и, может быть, кого-то этими словами неприятно удивить... Если мы готовимся к какому-либо празднику: дню рождения, Новому Году и так далее, для нас кажется естественным предпраздничный труд. Мы покупаем продукты, убираем квартиру, наряжаемся в заранее приготовленную праздничную одежду..., понимая, что радость праздника зависит не только от самого события, но и от подготовки к нему. Возьмите другую область: если моего сына обижают одноклассники, а я хочу чтобы парень умел сам за себя постоять и отдаю его при этом в секцию бокса, то для меня

¹См.: Алексей II, Патр. Моск. Цит. соч., с.2.

очевидно, что боксером мальчишка станет не после записи, а после многих тренировок. Или, например, супружество: муж и жена реализуют регистрацию своих семейных отношений не штампом в паспорте, но прожитой жизнью. И так во всем, везде результат напрямую связан с затраченными усилиями.

Вы пришли креститься, т.е. вступить с Богом в определенные отношения, которых до этого у вас не было. Как вам кажется, неужели это так легко и понятно, что достаточно определенной денежной суммы, и положительный результат не замедлит сказаться? А вас не смущает самая суть такого подхода? В будничной жизни мы действуем совершенно иначе: мы утюга не купим, не убедившись предварительно, как он работает и какие гарантии обещает нам фирма-изготовитель. Так неужели отношения с Богом гораздо прозаичнее покупки утюга? Честно ли и для вас, и для священника совершать крещение, заранее согласившись с тем, что для многих это именно «кот в мешке», тайна за семью печатями, к раскрытию которой вы просто не готовы?! Обычно здесь люди начинают возмущаться и говорить, что они знают, что такое крещение, и упрекать их в духовном невежестве не тактично. Бывает и так (у действительных «знатоков» заранее прошу прощения), но очень редко. Хотите убедиться? На крещении вы будете давать Богу обеты, какие? Также вы будете произносить отречения, какие?

(Как правило, наступает гробовое молчание, хотя бывают и ответы типа: «верить в Бога», «быть хорошим человеком», «не делать зла», «ходить в Церковь» и т.д.)

Иногда люди, видимо раздраженные тем, что праздничный стол до сих пор пустует, а батюшка все мораль читает, возражают, что они сызмальства православные, т.к. родились в России, и вопрос веры для них давно решен, зачем же осложнять дело второстепенными деталями? Есть среди вас такие? Если есть, то таковых уместно спросить: раз вопрос веры давно решен, то почему же (сейчас я обращаюсь к взрослым) вы не пришли креститься до этого? А если православная Церковь для вас «дом родной», то тогда вы хотя бы в общих чертах должны сформулировать основные истины православной веры. Как звучит или хотя бы начинается Символ веры? (о п я т ь м о л ч а н и е).

Вот видите, все это делается только для того, чтобы вы поняли, что креститься «вслепую» нельзя. Церковь никогда этого не одобряла. Сам Христос, заповедуя крещение, прежде заповедовал научение: «Идите и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа...».

У вас может возникнуть вопрос, а как же быть с младенцами, – вот с этими малютками, – их-то чему сейчас учить? Младенцев крестят по вере их родителей: физических и духовных. И те, и другие несут перед Богом и Его Церковью особую ответственность за религиозно-нравственное воспитание своих крестников. Но ведь известно, что я могу научить только тому, что знаю сам. Если же моя духовная жизнь, несмотря на мое крещение, еще не начиналась, то серьезной разницы между мной – взрослым и моим маленьким крестником нет, – мы оба духовные младенцы.

Теперь о деле; ввиду вышесказанного вы понимаете, что ни церковный закон,

ни пастырская совесть, ни, наконец, ваше собственное человеческое достоинство не позволяют Церкви принять вас в свое лоно без предварительной подготовки. Креститься сегодня будут лишь те, кто такую подготовку уже прошел в течение предыдущей недели. Поэтому подумайте немного и сделайте выбор. Для тех, кто согласится на подобные условия, первая беседа будет предложена через несколько минут.

Психологически это самое болезненное место в намечающемся диалоге. Людям очень тяжело отказаться от своих стереотипных и, как выясняется, ошибочных установок. Многие уходят с тем, чтобы креститься в другом храме, в особенности те, кто пришел в этот день с детьми. Кто-то пытается уговорить, предлагает дополнительные деньги. Редко, но бывает и просто ругань; ругань возмущенного обывателя, который выстоял очередь и вместо получения «причитающегося» узнал, что нужно стоять еще и в другой более длинной. Даже те, кто решаются остаться, сидят по началу с плохо скрываемым раздражением. Это серьезная проблема, и решить ее повсеместно можно лишь соответственными постановлениями церковной власти. А пока что она решается «поместно-демократично». В храмах с предварительной катихизацией растет число новых прихожан, но сокращается число крещений. И, наоборот, в храмах, где крестят, «не рассуждая» (как правило в больших соборах), число новых прихожан не увеличивается, но и число крещений не уменьшается, а по логике даже и возрастает за счет «обиженных» в других приходах. Кстати, одна из причин, по которой настоящая практика названа огласительным минимумом, заключается в том, что до принятия общецерковного решения по данному вопросу, практически безуспешно пытаются предлагать пришедшим креститься катихизацию более пространную и продолжительную.

– Теперь давайте побеседуем по существу. Но предварительно хочу задать вам несколько вопросов. Есть ли среди вас те, кто не уверен в бытии Бога? Другими словами, неверующие есть?

Автор ни разу не встречал утвердительного ответа. И это понятно, ибо, как правило, личным толчком к крещению становится наличие у человека смутной религиозности, иначе он просто бы не пришел.

– Если все верующие, то сейчас самое время поговорить о том, что такое вера. Уверенность в невидимом как в видимом, – вера? Скажем, я не вижу своего мозга, своего сердца, своих легких, однако утверждаю, что они у меня есть. Это вера? – Вера. Следовательно, уверенность в том, что Бог есть, хотя я его не вижу, и в том, что как-то Он с моей жизнью соприкасается, это вера? – Вера. Скажите, а диавол есть, сатана существует?

Здесь автору приходилось слышать, хотя и не часто, отрицательные ответы. В подобных случаях приходится говорить о демонизме подробнее.

– Существует. А в Бога он верит? А Библию он знает? А в Церковь заходит? Да, да и еще раз да. Видите, практически все, что мы привыкли считать верой, присуше и сатане. А в чем же разница? Оказывается, сатане не хватает самого

главного – веры как верности. Смотрите, как жена верна своему мужу, как мать верна своему ребенку, как дети верны своим родителям, так верующий верен своему Богу. И такая религиозная верность у диавола отсутствует, он вечный предатель Бога. И вот на этой-то вере-верности давайте остановимся с вами подробнее.

У меня может быть сколько угодно приятелей и друзей, но отношения с ними все-таки существенно отличаются от моих отношений с женой. Как бы я ни любил своих друзей, брак, как теснейшая степень единства, превышает все остальные человеческие связи, и выражается это в определенных, лишь браку свойственных, психофизических отношениях. Так и в вере: я не просто декларирую свою верность Богу, но живу ей, а значит, придерживаюсь определенных норм, которые называются в Библии заповедями Божиими. Какие вы знаете заповеди? А какая первая заповедь?

Обычно отвечают: «не убей», «не укради», «не прелюбодействуй», «люби ближнего»...

– Ваши ответы, хотите вы этого или нет, – плоды советской эпохи. Безбожное общество не было совершенно безнравственным; добропорядочность граждан являлась декларативной нормой жизни социалистического государства, люди, по сути, осуществляли христианские нормы поведения, но при этом в весьма урезанном виде.... «Не убей» – только шестая заповедь. А первая: «Я Господь Бог твой, да не будет у тебя богов иных кроме Меня», – дает человеческой этике божественное основание. Без этого основания самая возвышенная мораль не многого стоит. Еще недавно мы имели наглядную продолжительную возможность убедиться в этом всенародно. Достаточно добропорядочное, целомудренное.., но безбожное общество с необычайной легкостью растеряло былые приличия в виду простой смены государственных идеологий. Для человека веры подобная нравственная бесхребетность немыслима. Ибо мы утверждаем свою веру не голословным «я верующий» (это очень легко, потому что ни к чему не обязывает), а конкретной религиозной верностью, которая выражается в исполнении божественных заповедей. Сам Христос сказал об этом удивительно ясно: «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам» (*Ин. 15:14*).

Первая заповедь уже названа, а кто может ее растолковать? Вы скажете, какие такие другие боги? Мы же в современном мире живем: зевсы и артемиды – религиозные пережитки древности. Не думаю; если заповедь дана Богом, то она охватывает все времена и все культуры. Чтобы приблизить ее к нашему пониманию, давайте заменим в заповеди всего одно слово, вместо Бог поставим Отец, получится: «Я Отец твой, да не будет у тебя отцов иных кроме Меня». Понятно, что физический отец по самой сути своей только один, другого просто и быть не может. В духовном смысле это означает, что Бог, Творец этого мира – единственен, других богов нет, но есть идолы, кумиры, которых мы поставляем на место Бога Отца.

Вторая заповедь прямо предупреждает о такой возможности: «Не сотвори себе кумира и всякого подобия.., не поклоняйся им и не служи им».

Идолопоклонство есть добровольная приземленность; оно не обязательно связано с религией, но всегда с духовным ущербом. Смотрите, мы сплошь да рядом продаем и размениваем себя, преступая божественную заповедь (дорого или дешево – вопрос вторичный): кто-то на служении возвышенным идеалам культуры и прогресса, кто-то в созидании идолов патриотизма и семейного счастья. Многие все поставили на удовольствие, и, – пошли плодиться низменные рабы мерседесов и БМВ, породистых собак и ночных клубов и так далее, и тому подобное. Одним словом, кумир в нашей жизни – это не столько отсутствие Истины, сколько ее подмена. У всех вышеперечисленных категорий идолопоклонников, вера в Бога может присутствовать, но, увы, в схеме их жизненных ценностей, ее место в прихожей рядом с домашней обувью и грязными половиками.¹

«Не произноси имени Господа Бога твоего всуе», т.е. напрасно. Все вы имеете имена, кстати, какие? (Здесь происходит знакомство). Наверно многие задумывались над их смыслом. Это очень хорошо, потому что имя это не просто буквы и звуки... «Коля», «Вася», – всего четыре буквы, но стоит вашему приятелю их произнести, и Вы, взрослый мужчина, разворачиваетесь на оклик даже на расстоянии двухсот метров. Почему? Оказывается, с именем теснейшим образом связана человеческая личность, наше «я». То же и с Богом; когда мы говорим: «Бог, Господь, Иисус Христос», – мы призываем Владыку вселенной. Он молниеносно реагирует, но для чего? Всем нам известна грустная проза нашей жизни; например, мужчины, выпивая после работы, приговаривают «с Богом», или женщины, перебивая косточки своим знакомым, бросают реплики типа: «А Соколова то вчера, Господи Боже мой, вырядилась как пугало...» и т.д., все это вы знаете не хуже меня. Мы к этому привыкли, а вместе с тем это тяжелейший грех: Бог назван, Бог призван, но зачем? Бог судит нас в том, в чем застаёт. В чем же Он застаёт нас, Его призывающих?! Вы спросите меня, а как же призывать Бога не всуе? Ответ простой – в молитве, но это отдельный разговор, мы специально вернемся к нему на следующей беседе.

Содержание четвертой заповеди может быть передано следующим образом: «Помни день, который Я освятил. Шесть дней делай и сотвори в них все дела твои, день же седьмой Господу Богу твоему».*

¹Ср.: Желудков С., свящ. Письма к атеисту. – В сб.: Христианство и атеизм. Брюссель, 1982, сс.120-121.

*Заповедь сознательно предложена в Новозаветном смысле (Ср. Исх. 20:8-10). Мы убеждены, что длинный разговор об истории Ветхозаветной Субботы только затруднит восприятие других важнейших истин и без того перенапрягающемуся «детскому» сознанию слушателей. Забегая вперед, скажем, что именно поэтому в настоящий огласительный минимум не вошли многие серьезные богословские темы. Если люди останутся в Церкви, в свое время они узнают и об этом. Нам кажется, что подобный подход согласуется с апостольской и святоотеческой традицией. «И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах...» (1 Кор. 3:1-2); «Прежде чем вы вступите в общество верующих, мне кажется теперь бесполезно сокращенно представить нужные догматы, дабы обилие предметов не произвело в вас забвения о важнейших для размышления истинах» (Св. Кирилл Иерусалимский. Поучения огласительные. – Творения. М., 1855, сс.51-52); «Для изучающего Писание в первый раз... все надобно преподавать в общих чертах, избирая то, что более поражает удивлением и более нравится для слуха» (Блж. Августин. De

– Вы знаете, чисто психологически, притягательность божественных заповедей в том, что в них как в зеркале отражается Сам Создатель! Художник – это его картина, архитектор – спроектированное им здание, поэт – его поэзия... Смотрите, уже из одной этой заповеди можно увидеть, Кому мы доверяем свои жизни! Если бы Бог был рабовладелец, презирающий Своих рабов, Он бы сказал: «Вы Моя безгласная собственность, в вашем труде – все Мое!» Если бы Бог был предпринимателем, тогда бы мы услышали: «Я работодатель, вы наемники. Мне, как основателю дела 2/3, вам оставшаяся 1/3 по справедливости». А как же звучит заповедь на самом деле: «Шесть дней ваши, в седьмой приходите ко Мне...» Действительно, день нашего глубокого богообщения, по заповеди, всего лишь один, да и тот не Богу, а нам нужен. Зачем же? А дело в том, что сотворены мы со способностью и нуждой общения с Господом Богом; есть в нашем естестве полочка (ниша), которая сообщает нормальное устройство всей нашей жизни в том случае, если она занята Царем Небесным. Если же мы занимаем ее чем-то другим, может быть и не хламом, но, однако же, и не Богом, то рискуем через какое-то время совершенно забыть о ее существовании. Как желудок усыхает в своей жизнедеятельности без пищи, так человек усыхает в своей человечности без Бога. Другой пример, пока аккумуляторы заряжены, – от них свет и тепло; но если они сели, то до следующей подзарядки, это куски железа, холодные и ненужные. Поэтому верующий человек, при всей своей человеческой занятости (если только он не болен), старается придти в воскресный день в Церковь, чтобы не забыть о своем сверхъестественном назначении.

У вас может возникнуть вопрос: А почему обязательно в Церковь? Бог ведь везде. И разве не могу я вспомнить о своем богоподобии в любом другом месте; разве не могу посвятить Богу свой воскресный день, молясь Ему дома? Формально – да, по сути – нет. Один православный архиерей приводил такое сравнение: «Когда мы огород копаем в одиночку – это одно, а когда соседа приглашаем – другое. Здесь тоже работа, только духовная. И когда ваша энергия соединяется с духовной энергией рядом стоящих, то этот энергетический духовный поток и идет к Богу. Бог слышит эту молитву...».¹ Православное христианство не есть духовное возрастание одиночек, разобщенных и равнодушных друг к другу; это, если хотите, живая пирамида общей молитвы, которую мы созидаем в Церкви, во исполнение слов Спасителя: «...Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (*Мф. 18:20*). Кроме того, есть в необходимости посещать храм и другая мистическая сторона, но об этом мы поговорим немного позже.

Пятая заповедь должна быть вам гораздо понятнее: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле...» Казалось бы, чего уж проще, а вместе с тем извечный конфликт детей и родителей выглядит вековым опровержением возможности исполнения именно этой заповеди. Отсюда вопрос: а не ошибается ли Бог, предлагая неисполнимое? Нет, не ошибается. Он лучше, чем

catechizandis rudibus. Цит. по: Алмазов А. Указ. соч., с.41).

¹Кирилл (Гундяев), митр. Рождественское интервью. – Аргументы и факты, № 1-2, 1998, с.3.

кто бы то ни было, знает нашу настоящую природу. Ее испорченность обуславливает существование как никудашных детей, так и никудашных родителей... И Богу это хорошо известно. Но в том-то и дело, что заповедь дается не потому, что подобные отношения естественны, а для того, чтобы мы стремились к заложенному в нас идеалу. Почему мы этот идеал позабыли – вопрос отдельный, но то, что он дан нашему естеству при творении, совершенно бесспорно. Поэтому всякий раз, когда наша душа возмущается подлостью и обидами, исходящими от наших родных, умение, или на худой конец желание, простить, – лучшее, что мы можем сделать, ибо и сами мы, дети Отца Небесного, постоянно нуждаемся в прощении, и без конца прощаемы Им независимо от гнусности наших проступков. Практически почитание порочных родителей должно сопровождаться необходимым размышлением; скажем, если моя мать алкоголичка, а я почитаю ее ежедневной бутылкой, то очевидно, что почитаю я не мать, а материнский грех, мало того, становлюсь соучастником в ее падении. Ухаживать, заботиться, даже и о самых плохих родителях, дело другое...

«Не убивай» – большая часть нецерковных людей, услышав эту заповедь, с облегчением вздыхает, дескать, ну, в этом-то мы не согрешили. И действительно, людей, которые в наше время связаны с постоянной возможностью пролития чей-то крови, не так уж много, еще меньше среди них тех, кто ее уже пролил. Но если посмотреть на дело серьезнее, посмотреть глазами Христа, то мы увидим, что эта заповедь обличает почти что каждого. «Вы слышали, что сказано древним: «не убивай»; кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду...» (Мф. 5:21-22). Это ли не про нас? Смотрите, сколь часто, не имея возможности отомстить своим обидчикам публично (просто потому, что у них и силы, и власти больше), мы в душах своих гневаемся и ненавидим их тем сильнее, чем большее оскорбление мы претерпели. Нередко дело доходит до мысленного убийства. О том, как это происходит чаще всего, прекрасно сказал русский религиозный философ Владимир Соловьев: «При живом воображении и малой духовной опытности развитие злого помысла совершается очень быстро. Так, например, у вас явилась мысль о враждебном вам человеке, сопровождаемая хотя бы слабым чувством обиды, негодования или гнева. Если вы сейчас же не отгоните ее, то воображение, покорное дурной страсти, разом создаст живую картину. Вот вы уже встретились с неприятным лицом и поставили его в неловкое положение. Вся его негодность обличена. У вас является желание великодушия, но разгоревшаяся уже страсть превозмогает. Однако вы еще держитесь в границах благовоспитанности. Слагаются тонко-язвительные речи, но скоро они становятся более язвительными, чем тонкими; раздаются «оскорбления словом», потом «оскорбления действием». Дьявольски-сильным кулаком наносите вы победоносные удары. Злодей опрокинут, злодей убит, и вы каннибальски пляшете на его трупе... Дальше уже идти некуда, и приходится только креститься и отплеиваться».¹

¹Соловьев Вл. Оправдание добра. Собрание сочинений. Т. VII. СПб., 1909, с. 74.

Другая сторона этой заповеди обличает грех детоубийства; аборт – страшная обыденность нашей жизни! Причем грех этот не только женский, ибо практически всегда с молчаливого, а частенько с самого, что ни на есть «кричащего», согласия мужчины, идет женщина на этот страшный шаг.

(В этот момент важно не столько «авторитетно раздавить» слушающих, и, как правило, виновных в этом грехе, людей, сколько показать, как грех может быть уврачеван).

Тяжесть этого греха усугубляется тем, что убийство по внешней своей стороне, дело неисправимое. Украл, – могу вернуть; поссорился, – могу помириться; убил, – что сделаешь?! Но Бог наш – Бог милосердный; кающихся Он очищает и от этой вины, правда особым образом. Каким? – Страданием. Поэтому, если в нашу жизнь приходит тяжелая болезнь, какое-либо несчастье и пр. – не стоит роптать, спрашивать: «За что это мне?», и стремиться во чтобы то ни стало вернуть пошатнувшееся благополучие. Бог страданиями изглаживает то, что не может быть исправлено поступками. Кроме того, для многих искуплением этого греха может стать желание отговорить от подобного шага своих родственников и знакомых; а также умение обогреть, обласкать, накормить чьих-то бесприютных детей. Да и мало ли что еще можно сделать; кающемуся сердцу Господь подскажет.

«Не прелюбодействуй» – вот заповедь, которая решительно отвергается современным миром, и мне не раз приходилось слышать на исповеди и просто в беседах о том, что не нарушать ее просто невозможно, а значит и ненужно. Мало того, люди, до этого момента вполне сдержанные, начинают вдруг страшно возмущаться и упрекать Бога и священника в зависти к их личному счастью... Что же, давайте разбираться.

Любовь – не грех, любовь – заповедь, данная еще первым людям (*Быт. 2:24*). Воровство любви – вот это преступление. Когда я стремлюсь к личному счастью в обход заповеди, рано или поздно происходит катастрофа. То, что современный мир преподносит нам в качестве естественных человеческих радостей, сгубило уже не одну сотню культур, не один десяток цивилизаций! Вспомните из-за чего погибло допотопное человечество, вспомните библейские Содом и Гоморру, вспомните, наконец, грандиозную в истории, но деградировавшую в своих носителях, культуру античности; одна из причин, по которой утонченное изящество греко-римского мира кануло в небытие, заключается в извращенном переживании древними людьми своего полового начала. Мир, в котором отношения между мужчинами и женщинами стали все больше напоминать псарню – не мог не исчезнуть.

Проповедуемое Церковью богоподражание содержит совершенно иную норму человеческих отношений, в том числе и в области пола. Любовь для верующего – это не удовольствие любой ценой, а жертвоприношение, способность сострадать, вмещающая в себя не только достоинства (это не так трудно), но и недостатки своего любимого. Не убегать от них, но напротив, пытаться преобразовать в каждодневном подвиге любви – вот дело, достойное христианского брака. Ибо любовь полов, делающая людей одним целым, только тогда расцветает

цветом божественности, когда понимается и реализуется как путь ко спасению, т.е. к единству с Богом. Брак, возведенный на такую высоту, разрушает самое страшное – человеческий эгоизм. В служении другому, я выхожу за рамки своей холодной своекорыстной ограниченности. Я люблю...

Совсем иной подход к проблеме пола рождает мир нецерковный, какой, – вы знаете не хуже меня. Отсюда супружеская безответственность, половая извращенность, почти повсеместное деромантизирование интимных отношений и т.д. Без Бога половая жизнь становится идолом, и этот жестокий божок пожирает своих поклонников без остатка, не оставляя от любви ничего святого. И все это по одной простой причине: на любовь не хотят смотреть как на заповедь...

Восьмая заповедь запрещает воровство: «Не кради», т.е. не присваивай чужого. И это постсоветскому человеку в диковинку. Вспомните аксиому нашей «застойной» жизни: мне не доплачивают – возьму сам. Совсем иначе настраивает себя верующий: «Хотя бы это было ничье, раз оно не мое – нет мне до него дела». Чистая совесть, пусть даже с нуждой, дороже уворованного благополучия.¹ Вы можете спросить: А как же жить-то тогда? Поверьте, подлинно верующего, а значит боящегося оскорбить своего Господа человека, Господь никогда не оставит. Мне вспоминается один пожилой провинциальный священник, который во времена Хрущева остался без места. На его иждивении находились двое маленьких детей, неработающая жена и больная, не получающая пенсию мать. За штатом он оказался по воле уполномоченного по делам религии. Эту должность занимал тогда офицер КГБ, и поэтому надеяться на снисхождение можно было только в случае «сотрудничества», т.е. документального согласия на предательство. Священник предпочел «бродяжничество». Он ходил по деревням со своим иерейским скарбом и тайком, в домах верующих, совершал различные церковные требы: крестины, заочные отпевания, исповеди... Почти восемь лет он и его семья жили на скромные пожертвования, которых часто едва хватало на пропитание, но никто не потерял веру, никто не нарушил верность. Господь знает нашу нужду и если попускает ее, значит, даст сил и понести. В этом вечная сила евангельских истин: «Итак, – говорит Христос, – не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?» или: «что пить?» или: «во что одеться?» Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (*Мф. 6:31-33*).

«Не произноси на ближнего твоего свидетельства ложного», – другими словами: не клевети. Сплетни, пересуды, празднословие, а в итоге: «О злые языки, страшнее пистолета...» Сколько раз непроверенные слухи, которые мы с легкостью подхватывали и распространяли, ложились неподъемным грузом на чьи-то хрупкие плечи и, может быть, раздавливали людей своей страшной тяжестью. Умение правильно, «богоприлично» говорить – дело очень важное, хотя бы потому, что Христос предупреждает: «От слов своих оправдаешься, от слов своих осудишься» (*Мф. 12:37*). Мы же, напротив, от необходимых слов, не задумываясь, переходим к

¹Ср.: Антоний (Храповицкий), митр. Исповедь. М., 1996, с.60.

бесполезному и бесцельному разговору. «Слова тратятся без нужды, в «болтовне» проводится время для того только, чтобы что-то сказать. Тот дар осмысленной речи, который дан только человеку, ради приобщения к Истине, тратится попусту и мало чем отличается от того выговаривания слова, которому можно научить попугая, скворца или вообще неразумное существо».¹

Десятая заповедь может быть выражена одним словосочетанием: «Не завидуй». Это тоже распространенная человеческая страсть. Поверьте, границы действия зависти гораздо шире, чем нам кажется. Одно дело завидовать богатству материальному: у этого хлеб повкуснее, а у этого бриллианты побогаче... И совсем другое, завидовать богатству душевному и даже духовному: этот смекалистей, эта похозяйственней, эти более благочестивы и прочее, прочее. Мы готовы завидовать и добродетелям, и порокам, лишь бы они ценились в кругу нашего общения.

Для человека веры не завидовать – значит смотреть единственно на себя и быть довольным тем, что Бог благоволил ему даровать. Дал мне Господь такое здоровье, такую жену, таких детей – слава Ему за это, нет мне дела до дарований ближнего, за которые Бог потребует своевременного отчета. У каждого из нас свой талант; обнаружить его и потрудиться с его помощью на ниве Божией – реальная задача всякого христианина. Когда начинаешь ее исполнять – уже не до зависти.

Конечно, есть в Священном Писании и другие нравственные заповеди, по которым верующие поверяют свою христианскую совесть, но даже из этих еще ветхозаветных этических норм вы можете судить о степени или глубине своей религиозной веры-верности.

Хочется теперь задать вам один вопрос: как вам кажется, нравственные беды и духовное несовершенство людей случаются только от их невежества, от незнания этих заповедей или от чего-то еще? Неужели для того, чтобы быть хорошим, важно только узнать, усвоить нужную моральную информацию, и на следующий день я уже необходимо другой, лучший? Попробуйте после того, что вы узнали, стукнуть кулаком по столу и сказать: «Хватит жить грехом, с завтрашнего дня, скажем с 12.00, начинаю выполнять все заповеди». Гарантирую, что в 12.30 вы убедитесь, что толком ничего не получается. Заповеди прекрасны, но если бы их исполнение было в одних человеческих силах, тогда Христу не надо было бы идти на крест. По образному сравнению одного православного богослова, сделаться по-настоящему лучше одним личным волевым усилием – это все равно, что вытянуть себя из воды за волосы. У барона Мюнхгаузена это получалось, а у людей реальных не выходит.² Почему? Смотрите, что говорит об этом апостол Павел: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу: уже не я делаю то, но живущий во мне грех... Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим. 6:19-20,24). Мы живем в зараженной грехом вселенной, в мире, где грех вкоренен на онтологическом, т.е. самом глубоком, уровне, и в наших больших организмах, в наших искалеченных духовной катастрофой душах нет

¹Киприан (Керн), архм. Православное пастырское служение. СПб., 1996, с.313.

²Ср.: Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. – Вехи. М., 1991, с.56.

достаточных сил для того, чтобы самостоятельно улучшить сложившуюся ситуацию. Отсюда кажущийся парадокс: я вижу Божие добро (Благо) и замираю перед ним в изнеможении (с опущенными руками). Вы скажете, зачем же тогда и о заповедях говорить, если исполнить их невозможно? Возможность есть – Бог дает ее...

В отличие от нынешнего, например, государства, которое твердит о правах человека и при этом не выплачивает людям зарплату, лишая их тем самым самого главного права – права на жизнь, Господь не только ставит необходимые цели, но и сообщает достаточные средства к их достижению. Эти средства – суть церковные таинства, полноценное участие в которых является обязательным событием в жизни всякого православного христианина. Таинства – это те же заповеди, только другие.

О первом из них – крещении Господь говорит так: «Кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царство Небесное» (Ин. 3:5). Эти странные таинственные слова говорят нам о том, что условием действительного соединения человека с Богом является крещение. Почему? Ответить на этот вопрос математически точно и логически исчерпывающе едва ли удастся. Именно поэтому эти заповеди и называются таинствами. И все-таки, мне бы хотелось, хотя бы отчасти пояснить, что происходит с человеком в момент крещения на простом примере. Есть ли у вас дача или огород? Даже если нет, вы все равно хотя бы немного знаете, что такое сельское хозяйство. Так вот, вспомните, что происходит после того, как людям выделяется определенный земельный участок. Они раскорчевывают и очищают его, распахивают и выравнивают, делают грядки, удобряют землю и, наконец, засевают эту землю нужными семенами... Все это Бог делает за нас в крещении. Душа как живой участок «небесной земли» дается нам Свыше в безвозмездную аренду; и вот эту духовную, но уже пораженную первородным грехом, целину Господь раскорчевывает, выравнивает, удобряет, мало того, засекает семенами вечности... Однако вы понимаете, что этого мало, награда за труд – собранный урожай. А если я в мае посадил картошку, в июне, июле и августе она меня не видела, что я соберу в сентябре? Так же и в таинстве крещения – семена вечности, брошены в наши души Богом, а возвращать их нам самостоятельно; мы со-работники на ниве Господней, без этого труда нет урожая, зерна могут погибнуть...

То же можно сказать и о другом единократном таинстве – миропомазании. Слышали вы выражение – «одним миром мазаны»? Оно означает совсем не то, что мы привыкли под ним подразумевать, ибо это отнюдь не национальное или политическое, социальное или культурное человеческое родство. Этим словосочетанием наши предки хотели сказать, что все они, подобно святым апостолам получили в миропомазании дар Святого Духа. То есть, с каждым крещеным христианином произошло то же, что и с ближайшими учениками Христа в день Пятидесятницы: «При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющие языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И

исполнились все Духа Святого...» (*Деян. 2:1-4*). Тогда это было так, сейчас дары Святого Духа сообщаются всему нашему естеству посредством специального помазания драгоценным маслом (миром), но от нас зависит, как этими дарами распорядиться. Например, Бог благословляет мой ум, но я ведь и преступление могу обдумывать. Бог освящает мои чувства, но я ведь и грех могу полюбить и т.д. Дары Божии не принуждают нас ни к чему, мы продолжаем оставаться свободными...

И, наконец, самым главным таинством, в определенном смысле «таинством таинств», является для православных христиан Евхаристия. Потому, что в ней мы соединяемся с Богом самым теснейшим образом из тех, которые возможны на земле. Как? – «Неведомо», неизреченно. Когда Господь ходил по земле, вокруг него теснились огромные толпы людей, напряженно вслушивающихся в каждое Его слово. Но соглашались эти люди далеко не со всем. Однажды Христос сказал им: «...Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (*Ин. 6:53*). Для многих это было шоком. «Кто может это слушать?» – возмущались они, предполагая, что Христос говорит буквально. И отошли от Него в этот день многие и больше не ходили за Ним (*ср. Ин. 6:66*). Тогда Христос обратился к ближайшим ученикам и спросил: «Не хотите ли и вы отойти?» (*Ин. 6:67*). Ученики недоумевали, как и все прочие, и для них слова Христа были тайной, но, и в этом ярчайшее достоинство апостолов, даже не понимая, они предпочитают остаться со Христом. Петр от лица всех остальных говорит: «Господи! К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни» (*Ин. 6:68*). Прошло три года – тайна оставалась тайной. И вот на праздничном ужине за несколько часов до Своего ареста Христос наконец-то открыл ученикам, что Он имел в виду. Спаситель показал на лежащий на столе хлеб, и сказал: «...Приимите, ядите: сие есть Тело Мое, которое за вас предается» (*ср. Мф. 26:26; Лк. 22:19*). Потом помолился, указал на чашу с вином и сказал: «... Пейте из нее все; ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (*Мф. 26:28*). Творите это в Мое воспоминание (*ср. Лк. 22:19*). С тех пор, вот уже почти 2000 лет, Церковь повторяет совершившееся в тот вечер. На главной церковной службе – Литургии, по молитвам народа Божьего (т.е. священника и пришедших на службу мирян), хлеб и вино перестают быть простыми хлебом и вином и становятся, силою Святого Духа, Телом и Кровью Господней. Сразу же хочу предупредить вас от возможной ошибки. Подходя к Евхаристической чаше, ни в коем случае не нужно стремиться к натуралистическим ощущениям. Мы причащаемся живого Христа, в этом чуде – главное отличие Евхаристии от всякой иной трапезы. Причащаемся, и через это становимся хотя бы на какое-то время едиными со своим Богом. Но это важнейшее таинство, как и всякое другое, не терпит профанации. Нельзя причащаться с желанием очиститься от греха, так же как мы глотаем таблетки с желанием исцелиться от болезни. Таблетки действуют независимо от нашего духовного расположения, а причастие наоборот. Подходящие к этому таинству с дерзостью, без должного рассуждения, могут больше потерять, нежели приобрести, ибо Бог очень ревностно следит за тем, с каким духовным багажом человек

приближается к Нему. Поэтому-то и молится Церковь перед причастием на Литургии: «Господи, да не в суд или во осуждение будет мне причастие Святых Твоих Таин, но во исцеление души и тела. Аминь».

Это таинство в отличие от Крещения и Миропомазания не является единократным. Мы стремимся соединиться со своим Богом как можно чаще, и поэтому, если крещеный человек молится, ставит свечи, совершает добрые дела, но не причащается, можно говорить лишь о степени его отпадения от Церкви, ибо вера-верность нарушена. Сказавший о необходимости доброделания этического, сказал также и о необходимости доброделания сакраментального...

На этом сегодня закончим. Давайте теперь договоримся о нашей следующей встрече (здесь катихизатору приходится подстраиваться под время, удобное для оглашаемых, а это требует определенной жертвенности). Кроме того, попрошу вас до следующего раза прочитать самостоятельно одно из четырех Евангелий. Возьмите хотя бы самое короткое – Евангелие от Марка. Вы прочтете его за 2 часа. Но на этот раз перед вами не просто книга. Существует знаменитое высказывание, из которого вы сможете понять, что я имею в виду. Святые отцы говорили о том, что когда человек молится – он разговаривает с Богом; когда он читает Священное Писание – Бог разговаривает с ним. Попробуйте прочесть эту книгу именно так и почувствовать, что хочет сказать Бог через ее содержание сугубо для вас. Конечно, возникнут вопросы, но этим не стоит смущаться. В следующий раз мы начнем с их обсуждения, а теперь, если у вас нет вопросов, будем прощаться, до свидания.

Оглашение второе: «ПУТЬ»

После приветствия и ответов на возникшие вопросы, катихизатор возвращается к основной теме.

– В прошлый раз мы говорили о самом главном – об основании религиозной жизни всякого православного христианина – о нашей вере, понимаемой в значении верности. Кроме того, мы пришли к выводу, что для того, чтобы быть верным Богу, надо не только знать заповеди, но и иметь силы для их исполнения. Эти силы мы черпаем в Самом Боге, точнее в Его таинствах. Но к участию в этих таинствах нельзя подходить легкомысленно, они требуют от нас определенной подготовки, – жертвенности. Об этой подготовке наш сегодняшний разговор. Другими словами, сегодня мы будем говорить о религиозной практике. Что делает всякий православный христианин для достойного соединения с Господом? – Кается, постится, молится...

Если я спрошу вас – что значит покаяться, – вы ответите, что это значит рассказать о своих грехах на исповеди. И будете правы, но только отчасти. Греческое слово «покаяние» в буквальном смысле означает перемену ума, изменение мысли, которое должно привести к перемене жизни. Мироззрение и поведение находятся в теснейшей связи, и если наше умонастроение радикально меняется, то это рано или поздно приводит к иному характеру наших поступков.

Возьмите, например, известную ситуацию: в детстве все мы спрашиваем родителей – откуда мы появились, и получаем разные ответы типа «капусты», «аиста» и «магазина». В соответствии с этими детскими представлениями о начале жизни строится и наше детское поведение. Но вот приходит момент, когда молодые люди узнают «механизм» деторождения, мировоззрение радикально меняется, меняется и их поведение... Вот вам пример покаяния, хотя и из другой области. То же и в жизни духовной. Если в моем сознании произошли глубокие перемены, я обрел веру и осознал ее как верность, то я просто не могу, не имею права продолжать жить по-старому. Следовательно, моя исповедь менее всего перечисление грехов. Нельзя подходить к ней по-солдатски: «пост сдал», «пост принял», соответственно, «грехи сдал», «грехи принял». Такая исповедь ничего не изменит; ограничившись формальным «называнием», я с легкостью вернусь к привычному «совершению» этих же поступков. Настоящая исповедь – это всегда духовное потрясение, безжалостное обнажение своей души перед оскорбленным мной милосердным Господом. Исповедь – это боль и ужас от осознания своей порочности, своей подлости, которой я ранил любовь Божию. Вы скажете, причем же здесь священник, зачем он, если подобное состояние переживаю я, а не он, а Бог, который везде, силен простить меня без участия посредника? Справедливый вопрос. Так вот, какой бы второстепенной не представлялась нам роль священника, на самом деле без него не обойтись.

Начнем с того, почему священник исповедует. Что ему это очень нравится: собирать мусор с душ человеческих? Поверьте, в этом мало приятного. Священник исповедует, потому что Бог наделил его этой великой властью и этой тяжелой обязанностью, сказав: «Примите Дух Святой. Кому отпустите грехи, тому отпустятся, на ком удержите, на том удержатся» (Ин. 20:22-23). Вот почему священник принимает человеческое покаяние, точнее является его свидетелем. Вы скажете: «Но зачем же Богу этот свидетель, разве сам он безгрешен?» Конечно нет, священник сам имеет нужду в покаянии (и конечно же исповедуется перед другим священником). Но прощает он грехи не своей святостью, которая, к сожалению, так редка, а святостью Божией. А если конкретнее, то Бог ставит определенных людей свидетелями нашего покаяния по двум причинам: во-первых, чтобы не было оправдательных приговоров, т.е. когда мы, думая, что действительно каемся и разговариваем с Богом, на самом деле лукаво оправдываем совершенный грех. «Да, я ударил ее – грешен, но ведь она этого заслуживает...» И таких примеров тысячи. Священник в каком-то смысле бесстрастный наблюдатель, непредвзятый сторож, честно охраняющий искренность человеческого покаяния. А, во-вторых, священник – помощник в деле нашего самоукорения и сокрушения. Я каюсь в присутствии незнакомого, часто очень молодого и значит малоопытного человека, и тем самым свидетельствую о своей решимости исправиться. Мне так стыдно, я так сожалею, наконец, я так ненавижу совершенный грех, что, называя его в присутствии постороннего свидетеля, я как бы вырываю, отделяю этот грех от самого себя, показываю, что это не мое, и я с этим расстаюсь. Вот вам краткий смысл покаяния и

исповеди.

Опыт такого сотрясения и сокрушения своей мнимой праведности должен войти и в вашу жизнь. Непосредственно перед крещением вам будет предложена покаянная беседа. Начните готовиться к ней уже сейчас. Вспомните и обдумайте прошедшую жизнь, есть ли в ней поступки и мысли, за которые вам до сих пор стыдно? Помимо того, что уже было сказано о смысле и характере покаяния, обратите внимание на два существенных момента. Во-первых, кается человек не за вчера и не за сегодня, а за всю жизнь, потому что для Бога обитающего в вечности нет деления на «времена и сроки». Он видит целого человека «от крика колыбельного до гроба», и именно поэтому, раскаиваясь, мы должны стремиться к всецелой открытости, не утешая себя тем, что, может быть, в настоящий момент мы не такие уж и плохие люди. А во-вторых, постарайтесь в критике своей души опираться на Евангелие (которое вы уже прочитали), а не на общественное мнение. Последнее плохой помощник, ибо я тут же начну сравнивать себя с бомжами и рэкетирами, маньяками и наркоманами и т.д., на фоне которых я буду выглядеть вполне прилично. У христиан другой критерий приличия, другая шкала нравственных оценок. Попробуйте сравнить себя со Христом и святыми Его, и вы воочию убедитесь, что человеку есть в чем каяться.

Следующим шагом, формирующим практику нашей духовной жизни, является пост. Воздержание от пищи, само по себе, занятие крайне неблагодарное и бессмысленное. Все мы слышали много восторженных слов о том, что диета способствует улучшению самочувствия, продлевает годы жизни и т.д., а итог?.. Верно, итог – кладбище и для больных, и для здоровых. Следовательно, когда верующий человек постится, он менее всего думает о здоровье. О чем же тогда? – Вот и давайте посмотрим. В Евангелии от Матфея содержится рассказ о том, как сатана искушал Христа, когда Тот постился в пустыне. Христос, как и все люди, имел нужду в пище. Мало того, пост, который Он выдержал (40 дней и 40 ночей), заставил Его переживать сильнейшее чувство голода. Евангелие говорит нам о том, что Господь «взалкал». Именно в этот момент к Нему приблизился диавол и сказал: «...если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами». Говоря нашим языком: у тебя проблемы – так реши их. Вы помните, что ответил Христос: «...написано: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4:2-4) Что здесь происходит. Вы помните причины, по которым люди сделались смертными? Правильно, Адам и Ева согрешили, вкусив запретный плод. Они послушались диавола и предали Бога. Любовь к Создателю променяли на вожделение к твари. И вот Христос Сын Божий и Сын Человеческий приходит в наш мир с тем, чтобы исправить ошибку, исцелить язву, нанесенную древним преступлением, и сознательно оказывается в такой же ситуации, что и первый Адам; и диавол опять предлагает, только уже Второму Адаму, решить проблему в обход Божией заповеди. Заметьте из этого диалога, как сатана относится к людям. В его, казалось бы, невинном высказывании сконцентрировалась вся ненависть и презрение ада к Божьему созданию: «Ты проголодался – так ешь

быстрее... Вы же – желудки, человеческий род – окультуренное чрево и ничего больше. Вы живете ради еды и из-за еды; отними у вас пищу, и вы превратитесь в животных». Христос, напротив, утверждает небесное достоинство человека, его способность жить и питаться Богом, преодолевая свою низшую, во многом животную природу, преображая инстинкт самосохранения в свободу сынов Божиих. Итак, Христос постится для того, чтобы явить нам наше богоподобное достоинство. Следовательно, пост для нас – это утверждение самих себя.

Другой стороной поста является утончение нашей физической природы. Сытое чрево не только к учению, но и к богообщению глухо. Не случайно мы говорим о посте как о средстве на пути к Пасхе, на пути к Причастию, о котором мы говорили в прошлый раз.

И, наконец, пост – наша посильная жертва своему Богу, знак нашего сопереживания Его безпримерной Жертве. «Могут ли печалиться сыны чертога брачного, – говорит Христос, – пока с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься» (*Мф. 9:15*). Для нас этими днями являются, соответственно, среда и пятница: в среду – Христа предали, в пятницу – Его распяли. И, конечно же, если я люблю своего Господа, вопрос о необходимости воздержания в эти дни передо мной просто не встает. Например, можно ли представить нормального человека, который в день смерти матери заботится о качестве обеда?

Перейдем теперь к молитве. Все мы знаем, что человек – существо разумное – «*Номо сарпиенс*». Но разум, взятый отдельно от веры, не является нашим украшением. «Ум без веры – каверзник, – говорит святитель Феофан Затворник, – то и дело кует лукавые подозрения и сплетает хулы на всю область веры».¹ Иное дело молитва. Верующий человек – существо молящееся, т.е. отвергающее дьявольскую самодостаточность. В молитве я добровольно признаю свою зависимость от высшего Источника жизни, радости, любви и в Нем ищу соответственно укрепления. Уметь молиться, значит иметь живой, самый дорогой на свете опыт непосредственного богообщения. Нет его, – в период скорбей и искушений рациональная, интеллектуальная вера разрушится как карточный домик. И наоборот, когда этот опыт есть, то даже если десятки самых выдающихся, авторитетных ученых станут доказывать мне – простецу, что Бог – это всего лишь детская сказка, я смогу смело и нелицемерно ответить: «Простите, господа, в этом вопросе вы не специалисты». Интересно, что именно к личному опыту богообщения прибегал в полемике с неверующими уже упоминаемый нами Владимир Соловьев. В ответ на «научный» скепсис по поводу религиозной веры этот глубокомысленный философ возражал: «Меня пытаются убедить, что нет Того, Кто наполняет мое сердце неизъяснимой радостью и блаженством».² Заметьте, человек, который не хуже, а часто и лучше своих оппонентов владел, не только естественнонаучным, но и гуманитарным знанием, в вопросе о достоверности религиозного опыта

¹Свт.Феофан Затворник. Собрание писем. Вып. VII., М., 1901, с.217.

²Соловьев Вл. Оправдание добра. Собрание сочинений. Т.VII, СПб., 1909, с.180.

обращался не к умственным доводам, а к духовной практике. Вот почему в субъективном плане так важно уметь молиться, так важно иметь хотя бы малый мистический опыт. Это как телефонный разговор. Нам во что бы то ни стало нужно дозвониться. И мы продолжаем и продолжаем набирать заветный номер, не взирая то на длинные, то на короткие гудки. Мы не успокаиваемся, пока не услышим на том конце провода долгожданное «алло»; так и в жизни верующих: мы не успокаиваемся, пока молитвенно «не дозвонимся» до своего Бога.

Но именно потому, что молиться так важно, – молиться невероятно трудно. Я называю подобный феномен доказательством «от противного». До этого вполне трезвые размеренные мысли текли в нашем сознании, не вызывая никакого дискомфорта, но стоило начать молиться, и что куда подевалось: «Я бурей помыслов тесним на смерти риф». Такой мысленный хаос, такое душевное смятение говорят о том, что определенным существам, «которые хотя и невидимы, но у которых, по точным сведениям, есть рога и копыта»,^{1*} это очень не нравится. И именно о них сказал однажды Христос: «сей же род изгоняется только постом и молитвой» (Мф. 17:21).

Итак, молиться важно, молиться нужно, но как? Учить молитвы – а зачем, разве я не могу сказать Богу все, что у меня на душе без посторонней помощи? – Законное возражение, вот только услышит ли Бог такую молитву? Помимо искренности в нашей молитве должен быть свой «богоприличный» предмет, своя достойная направленность; ведь Бог не колдун и не экстрасенс, который выполнит любое мое пожелание, вне зависимости от его нравственной окраски. Если, например, я молюсь о том, чтобы найти клад бриллиантов, или удачно ограбить банк, очевидно, что исполнить мою молитву может только богопротивник... Именно для того, чтобы в таком важном деле как беседа с Богом не было естественных для начинающих ошибок, Церковь предлагает в качестве первых уроков либо молитвы, данные самим Богом, либо составленные Его святыми. Впоследствии, когда душа устоит не только в искренности, но и в правильности молитвы, богообщение может сделаться вполне самостоятельным, т.е. помощь молитвослова станет второстепенной, хотя это не означает, что я уже никогда не буду обращаться к тем молитвам, с которых когда-то начинал. Обычно происходит практика чередования, когда по истечении определенного времени человек снова возвращается к общеупотребительному «утреннему» и «вечернему» правилу с тем, чтобы по-новому более глубоко его осмыслить и молитвенно реализовать.

Немаловажен вопрос и о продолжительности молитвы. Человек – существо молящееся, и нам необходимо это вспоминать, доказывать самим себе. Зачем, ведь Бог и так все знает? Да, Он знает мои нужды, но высказать их должен я сам. Молитва – есть упражнение в благодарности. Чтобы Господь услышал достаточно и

¹ Тростников В. Понимаем ли мы Евангелие. М., 1997, с. 58.

*Под точными сведениями, видимо, подразумевается мистический опыт святых и подвижников Церкви, которым падшие ангелы являлись в подобном виде. Кроме того, этот же образ демона-сатира запечатлен средствами православной иконописи, традиционная символичность которой все-таки позволяет говорить и об определенном формальном сходстве.

одного «Господи, помилуй», но правильного; и вот за эту-то правильность приходится бороться, говоря «Господи, помилуй» до 40 раз; в надежде на то, что быть, может, хотя бы на сороковой молитве мое сердце растает, умягчиться в подлинной просьбе, в настоящей благодарности, и Господь откликнется на то, что мне действительно нужно.

А теперь давайте обратимся к самым главным, наиболее распространенным православным молитвам, которыми молится верующий человек дома и в Церкви.

Далее следует краткий обзор молитв «Отче наш», «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», «Царю Небесный», «Богородице, Дево, радуйся» и «Символа веры». В этом плане данная часть беседы продолжит вероучительную линию первого оглашения. Заканчивается беседа молитвой «Угодниче Христов (имя рек) моли Милостивого Бога...» Здесь же выясняются сроки будущего тезоименитства оглашаемых с целью конкретного характера следующей встречи.

Оглашение третье: «ЖИЗНЬ»

– Сегодня мы будем говорить об образе христианской жизни, обращаясь к конкретным жизнеописаниям. Согласитесь, что эта тема очень важна. Ибо мало знать истину, мало знать и пути к ней, нужен достойный пример. Если христианство это один Христос, то стоит ли быть Его последователем? Если мне не на кого равняться, то, может быть, и не нужно стремиться к данной, хотя бы и очень возвышенной цели? Сомнения, к счастью, напрасные. История ближайших учеников Господа, а также уже почти двухтысячелетняя история православной святости говорит о том, что примеры есть и их очень много. Это святые, христианские праведники, чья жизнь отмечена особой благодатью и любовью Божией, как ответ на особое дерзновение и любовь человека. Но в начале о самой святости.

Святость – есть общая цель каждого верующего не в зависимости от его жизненного положения. И в Ветхом и в Новом завете Бог обращается к верующим с одним и тем же призывом: «Будьте святы, потому что Я свят» (*Лев. 11:45*) и «будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (*Мф. 5:48*). Вне этого идеала, вне высоты этой Богом поставленной планки нет веры-верности, нет верующего, нет Церкви, нет человека... Я сколь угодно долго и красноречиво могу рассуждать о величии святых, живших и живущих в человеческой истории, но если святость не мой идеал – я всего лишь внешний наблюдатель одной из сторон христианской жизни, фанатичный экскурсовод, путешествующий по миру мифической святости.

Но что значит быть святым? «Святость это безгрешность» – вот первое, что приходит человеку на ум. Но тогда у большинства из нас никаких шансов. Даже воздерживаясь от греховных поступков, мы уязвляемся помыслами греха до самой смерти. Быть может, святые были свободны и от этого? Сейчас выясним. А пока давайте вспомним, некоторые особенности церковной службы. Надеюсь, что многие из вас, хотя и некрещеные, в храм все-таки заходили. Видели ли вы, как

совершается каждение? Священник или дьякон окуривают ладаном иконостас и фрески храма с помощью специального богослужебного предмета – кадила. Тут все понятно. Этим благоуханием священнослужители воздают почести тем, кто этого действительно достоин: Богу и святым Его. Но вот духовное лицо отворачивается от икон и начинает кадить стоящих в храме людей, – и это уже непонятно, ибо все мы осознаем свое несовершенство. Что же происходит в действительности? Церковь, в лице своего служителя, указывает людям на то, что и они способны освятиться, а значит и они достойны прославления. Святость потенциально присуща каждому из нас, ибо все мы несем в себе «образ» создавшего нас Бога (*Быт. 1:26*), и именно эту «жемчужину» окуривает священнослужитель. Значит, возможность святости не удел избранных, а наша общая природа и вместе с тем задача. Бог заповедует не то, что могут единицы, а то, что по плечу всем. Но тогда почему же святых так немного, т.е. их много, конечно, но в сравнении с общим числом верующих, их присутствие в мире, действительно, как капля в море?

В житии одного русского святого, скончавшегося в начале века, есть ответ на оба поставленные вопроса. Его звали Николай, он был епископом и большую часть жизни провел в Японии, проповедуя православную веру. Когда он приехал в эту страну, православных там не было, а к концу его жизни, число обращенных и вошедших в Церковь японцев насчитывало тысячи. За этот грандиозный духовный подвиг Церковь канонизировала епископа Николая как равноапостольного, т.е. уравнившегося в своем миссионерском служении с апостолами. Жизнь этого человека удивительна, как, впрочем, удивительна жизнь всякого святого. Но в данном случае она знаменательна еще и по другим причинам. Как правило, людям, живущим в иные эпохи, гораздо сложнее судить о нравственных изгибах человеческих судеб, если от прожитой жизни не осталось ничего, кроме сухой биографии. Иногда это относится и к святым. Нас изумляют подвиги св. Симеона Столпника и св. Серафима Саровского, мы недоумеваем и ужасаемся поступкам Алексея Человека Божия и Ксении Блаженной, но мы ничего не знаем о их личных переживаниях по этому поводу. Святые, как правило, оставляют поучения, но не оставляют дневников. И потому, что было у них на душе в момент нечеловеческих подвигов и величайших страданий, остается для нас тайной, покрытой мраком неизвестности. Не так с Николаем Японским. Почти всю свою жизнь он писал дневники, которые сохранились и дошли до нас в первоизданном виде. Что же поражает в этих записях. Во-первых, то, что их писал человек согрешающий. Я, например, очень удивился, когда встретил на страницах дневника случаи явного осуждения, и это притом, что Христос осуждение запретил: «Не судите, да не судимы будете» (*Мф. 7:1*). Мне казалось, что святой должен быть свободен от подобных промахов, а он, напротив, пишет о своем собрате по алтарю следующее: «Боже, что за крест Ты послал мне! И за этим-то я ездил в Россию? Истратил два года лучшей жизни! Все четыре Академии дали пока вот только это сокровище, с которым я теперь мучаюсь, и от разговора с которым, я думал, в сегодняшней вечер, у меня голова поседеет... И это человек, бывший семь лет священником и

прошедший академическую мудрость! – Хороши же у Православия священники и Академии...».¹ Следовательно, святость – не отсутствие греха, а умение в грехе раскаяться, умение возложить вину и ответственность на себя с тем, чтобы постараться исправиться. В этих-то попытках исправления и заключена тайна святости. Святой не тот, кто не падает, но тот, кто, упав (и, быть может, сильно), не меняет ни цели своего стремления, ни усердия к ее достижению. В другом месте св. Николай говорит об этом совершенно отчетливо: «Хоть бесплодны мои глупые тревоги, но не злонамеренны они, окромя моих разных человеческих грехов! Грехи – грехами, но не ими и не для них я жил, а была у меня идея жизни – служение вере и Господу!»²

Таким образом, святость – не безгрешность, а неотступное всецелое решительное стремление к Богу, несмотря на свою греховность. Святость есть посвящение жизни и именно поэтому святых немного. Приведу вам пример из личного опыта. Как-то меня пригласили освятить молодежное кафе. Освящение – это молитвенное призывание благодати Божией на определенную человеческую деятельность. Покропив святой водой кабинет директора и складские помещения, я вышел в центральный зал и продолжил освящение, двигаясь вдоль стен кафе. За одним из столиков сидели молодые люди и с интересом наблюдали за мной. Когда я поравнялся с ними и спросил: «Верующие ли они?» – они ответили, что верующие. – «Значит можно вас покропить?» Знаете, что они мне ответили? – «Можно, только несильно». Ответ удивительно точный. Большая часть верующих людей не становится святыми только потому, что присутствие Бога в их жизни определяется как «несильное». Вера наполовину – есть обескрыленная, нереализованная святость...

А теперь давайте поговорим о типах святости. Православные святцы (т.е. собрание чтимых Православной Церковью святых) указывают нам на широчайший круг человеческой деятельности, которая может быть охвачена Божественным освящением, что называется «от царя до пономаря». Здесь монахи и миряне, князья и простонародье, мужчины и женщины, дети и старики и т.д. Словом, если «любви все возрасты покорны», то святости – все жизненные состояния, потому что, повторяю, Бог заповедует не то, что могут единицы, но то, что возможно всем. О том, кого и за что называют равноапостольными мы уже поговорили. Теперь давайте поговорим о святителях, т.е. о духовных лицах, прославленных в сане епископа (далее следует краткий рассказ о степенях церковной иерархии).

В прошлый раз мы выяснили, что двоих из вас зовут Василиями, и что вы хотите иметь своими небесными покровителями православных святых с соответствующими именами. Поэтому, говоря о святителях, я не могу удержаться от того, чтобы не привести вам в качестве примера рассказ о жизни Василия Великого, православного святого, жившего в середине IV века в византийском городе Кесарии.

¹Накамура К. Дневники Святого Николая Японского. Хоккайдо, 1994, сс.7-8.

² Там же, с.9.

(Конечно, оглашаемые могут носить и другие имена, среди которых может и не быть ни одного имени знаменитого святителя. При небольшом количестве крещаемых это происходит довольно часто. Тогда подобный рассказ носит несколько отвлеченный характер, что, впрочем, совершенно не вредит общим задачам данного оглашения).

Интеллектуальные дарования этого человека были огромны. Один из друзей сравнивает его с кораблем, нагруженным ученостью до последнего предела. Но это не послужило ему поводом к заносчивости. Отличие святого ученого от ученого неверующего в том, что один прославляет приобретенными знаниями Бога, а другой себя. В то время Церковь выдерживала мучительную и напряженную борьбу с еретиками (т.е. с лицами, искажающими веру), которых, тем не менее, поддерживала государственная власть. Эти люди, зная, каким авторитетом пользуется Кесарийский епископ у своей паствы, пытались склонить его к неправомыслию, направив к Василию знатного царедворца. А когда это не удалось, пытались запугать святого угрозами ссылки, лишения и смерти. Но он смело ответил, что ему нечего терять в этом мире, а на лукавое замечание царского вельможи о том, что людям свойственна изменчивость, «может и ты передумаешь», – святитель спокойно возразил: «Сегодня я тот же, что и был вчера, и завтра я буду таким же, как и сегодня. Советую и тебе на меня походить». Вельможа уехал потрясенный. Вы понимаете, что это не было пустым бахвальством. Одно дело отстаивать правду в кругу многочисленных единомышленников при всеобщей поддержке, другое дело – под страхом смерти, в полной беззащитности.

Св. Василий написал много сочинений, и все они не были результатами отвлеченного умствования, а напротив, явились плодами непосредственного мистического богообщения. Сохранились воспоминания современников о том, что во время его молитвы над Евхаристическими Дарами изображение голубя, символизирующее присутствие Святого Духа, приходило в движение.

Наконец, святой епископ был очень нищелюбивым. Он помогал не только христианам, но и просто всем нуждающимся людям: и язычникам, и иудеям. На этой почве у него возникло философское общение с одним талантливым евреем врачом. Они часто и подолгу беседовали, но упорный еврей не хотел верить отточенным доводам святителя. Но вот пришло время святителю умирать, и еврей предстал перед ним уже не как сомневающийся собеседник, а как врач-специалист. Василий спросил его: «Как ты думаешь, сколько мне осталось?» – еврей ответил: «ты не доживешь до утра. – А если доживу? Тогда я скажу, что ничего не смыслю во врачебном искусстве. – А если я доживу до вечера? – Ну, тогда я просто шарлатан, и люди напрасно чтут меня. – Скажи, а что будет, если я проживу сутки? – Тогда я поверю, что Иисус – Мессия и приму христианское крещение». Так вот, ровно через сутки св. Василий встал, сам крестил этого еврея, после чего вскоре скончался.

Вы мне скажете, где же тут грехи, где оплошности, это стерильная жизнь без сучка, без задоринки. Да нет, конечно. Достаточно почитать молитвы, написанные

святителем, и вы увидите, что он отнюдь не идеализировал степень своего совершенства. Были у него и чисто человеческие разногласия со своим другом, другим святым епископом Григорием Богословом. Но, повторяю, святость – есть решимость следовать за Христом до конца. У св. Василия она была.

(Далее идет рассказ о преподобных, Христа ради юродивых, благоверных князьях и праведных мирянах. В нашей работе дальнейший пересказ житийного материала не нужен. Достаточно увидеть, в каком объеме и форме он преподносится оглашаемым на примере жития св. Василия. После этого очень кратко пересказываются жития святых, в честь которых будут крещены оглашаемые. В данном случае задача катихизатора не только дать необходимую информацию, но и заронить интерес к самостоятельному изучению агиографической литературы).

Особое внимание хочется уделить святости мучеников. Все другие типы святости показывают нам путь постепенного духовного возрастания от силы в силу. Мученичество же в некотором смысле как удар грома, как разверзшаяся пропасть. Оно возникло перед нами, и мы должны выбрать его. Не надо думать, что это так легко или что это нам не грозит. События XX века в России показали, что пострадать за имя Христово можно и нужно в не меньшей степени, чем во времена гонений Римских. Приведу вам только один, достаточно красноречивый, пример. Это было в городе Серпухове в первые годы советской власти. Ворвавшиеся в храм большевики, выволокли находившееся там духовенство на улицу и расстреляли всех, кроме одного священника. Его опустили в глубокую яму так, что на поверхности осталась только одна голова. Затем яму засыпали землей, а на голову священника одели железную сетку, под которую пустили двух голодных крыс. – «Ну что, поп, есть Бог? Что же Он тебя не выручает? Отрекайся пока не поздно». Жутко, не правда ли?! Но священник не отрекся. Пока обгладываемая крысами голова была жива, она непрерывно повторяла: «Я христианин...»^{*} Вот что такое мученичество и какова степень противостояния добра и зла в нашем падшем мире. Теоретически нам не трудно выбрать добро, но вот приходит час отстоять это добро подвигом, и здесь все зависит от искренности и глубины нашей любви к своему Господу. Мученичество непосильно для тех, кто никогда опытно не знал Его. Мученичество страшно даже для тех, кто подлинно знал Его. Наконец, мученичество несравненно прекрасно, потому что свидетельством своим (слово мученик по-гречески означает свидетель) обращает к вере лучше, чем самыми яркими и убедительными проповедями.

Не думайте, что время столь неприкрытого противостояния между светом и тьмой окончилось. Когда вдумываешься в корни человеческой жестокости, направленной на, казалось бы, совершенно безобидных никому не мешающих верующих людей, то еще и еще раз убеждаешься, что эта жестокость вдохновляема и направляема дьяволом. Сатана – есть зло всецелое и поэтому он не согласится ни на сострадание, ни на перемирие. Жалость неведома ему, пощады от него не

^{*}Приведенный пример заимствован автором из личной беседы со священником г. Серпухова.

дождешься, и значит сегодня он кровожаден также, как и всегда (*ср. Ин. 8:44*). Конечно, видя плоды этой черной вакханалии в людях, мы сильно смущаемся, в нас закипает, по-человечески, справедливое возмущение, и хочется ответить наместникам дьявола тем же – жестким физическим отпором. Но встать на этот путь – значит изменить Христу, перестать верить в силу любви и добра самих по себе, закрепить за насильем высшую власть, и это при том, что на каждой Церкви красуется крест – символ победы жертвенной любви над жестокостью и ненавистью.

Да, в этом мире христиане обречены на заклание. Зло всегда, в силу неразборчивости в средствах, будет одерживать формальную победу, но которая однажды, в конце времен все-таки, окажется поражением. Так же как ужасная смерть Христа была разрушена светозарностью Его воскресения. Но до этого момента, может быть, очень многие и многие верующие встанут перед страшным духовным распутием. В виду приближающихся мучений, что выбрать: отречься, восстать, сражаясь со злом его оружием, или остаться верным Христу не только в целях, но и в средствах. Эти проблемы рано или поздно придется решать каждому из вас, если вы не передумали стать христианами.

Согласитесь, подобный выбор не так прост и поскольку для многих из вас горизонты новой жизни еще расплывчаты, то с вашей стороны вполне уместен вопрос: «А что нам за это будет? На что мы вправе надеяться в качестве награды?» Если я отвечу, что нам обещано Царство Небесное, то слова повиснут в воздухе. Вы спросите: «что это?», – а я не смогу объяснить. Беседовать о Царстве по существу, можно лишь оказавшись там... Если же говорить применительно к этой земной жизни, то откровенно сознаюсь, что вопрос о награде – самое уязвимое место нашего разговора. Потому что ничего кроме конкретных страданий обещать нельзя. Ибо путь последовательного христианина всегда мучителен: «В мире будете иметь скорбь...» – говорит Христос (*Ин. 16:33*). Но именно в мучениях за Христа сокрыта специфическая христианская радость: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесах...» (*Мф. 5:11-12*). Видите, это скорбь, но не такая как у неверующих. Сознательно шагнуть в «пожизненную драму» можно только по любви. В единстве с Любимым и заключена самая большая награда верующего уже здесь на земле. Единство с Богом – начало и конец человеческого счастья. Именно так Церковь понимает спасение. Если же я своекорыстен, меркантилен в своем стремлении, то тогда я всего лишь наемник, оплачиваемый работник, ухаживающий за своей матерью не по любви, а в надежде на скорое наследство... Любовь же рождается от богообщения и от молитвенного осознания той цены, которую заплатил Христос за наше вечное счастье. Неужели в виду Распятия я стану упрекать своего Бога за трудность и болезненность пути, ведущего в Его объятия?! Закончить же эту последнюю беседу я хочу словами двух христианских подвижников, которые, как мне кажется, ставят на свои места вопросы о награде и счастье: «Какое мне дело, как и сколько должен я страдать, лишь бы мне

наследовать пристань спасения».¹ «Христос – вот наша радость, наше сокровище, вот наше все».²

Теперь я отвечу на ваши вопросы, потому что на этом мы заканчиваем наше непродолжительное общение; надеюсь вы не жалеете о потраченном времени. Хочу напомнить, что в субботу, непосредственно перед крещением, вы должны прийти на покаянную беседу.

(После этого катихизатор проводит оглашаемых по всем общедоступным местам православного храма, вкратце рассказывая о его основных функциях и убранстве).

Покаянная беседа и ее значение

Покаянная беседа носит это название, потому что собственно исповедь, как церковное таинство, для некрещеных еще невозможна. Кроме того, в современной приходской практике лучшая форма подобного общения – именно беседа; время безмолвного присутствия при совершающемся покаянии наступит только впоследствии.

Необходимость этого докрещального акта доказывается самой сутью совершаемого Таинства. «Вера, которая требуется от вступающих в Церковь, включает в себя покаяние, а покаяние возможно на основе веры».³ Новозаветные тексты говорят нам о том, что наличие предваряющего покаяния являлось обязательным условием участия конкретных лиц в символических и сакраментальных действиях, начиная с проповеди Иоанна Крестителя и заканчивая веком Апостолов. «В те дни приходит Иоанн Креститель, и проповедует в пустыне Иудейской, и говорит: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное... Тогда Иерусалим и вся Иудея выходили к нему, и крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои» (*Мф. 3:1-2, 5-6*). Христос не упраздняет, а подтверждает подобную практику (*Мф. 4:14-17; Мк. 1:14-15*). Поэтому и первая проповедь апостолов начинается этой же темой: «Петр же сказал им: покайтесь и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов, – и получите дар Святого Духа (*Деян. 2:38*). Эту же традицию содержит ранняя Церковь».⁴

Для современного типа крещаемых восстановление древней покаянной дисциплины особенно целесообразно. Согласитесь, знание о том, что в крещении старая жизнь со всеми ее изъянами делается «аки небывшей» может не только порадовать, но и искусить постсоветское обывательское сознание. Дескать, все сейчас простится, как хорошо, что не надо в этом исповедоваться, остается только радостно потереть руки... Напротив, «высказывание» своих грехов непосредственно

¹Фома Кемпийский. О подражании Христу СПб., 1847, с.215.

²Цит. по: Цветник Духовный. Назидательные мысли и добрые советы, выбранные из творений мужей мудрых и святых М., 1909, с.37.

³Афанасьев Н., прот. Указ. соч., с.64.

⁴См.: Св.Иустин Философ. Указ. соч., с.92; Тертуллиан. О покаянии. Указ. соч., сс.312, 316; Дионисий Ареопагит. Указ.соч., с.34.

перед крещением, есть совершенно нормальное устройство неофитского сознания, и нелегкая задача катихизатора в том, чтобы постараться убедить в этом своих подопечных. Современный человек без всякого внутреннего смущения решается креститься, но покаяться в грехах ему чрезвычайно тяжело. «Человек – это звучит гордо», – лозунги ушедших десятилетий продолжают подспудно будоражить сознание. И здесь катихизатору важно подчеркнуть, что гордость – грех самый тяжелый, поэтому ясно, чей облик проглядывает за подобными высказываниями.

– Поэтому, друзья мои, перед вступлением в новую жизнь, отбросив ложный стыд, необходимо напомнить самим себе, чем была для нас жизнь старая. Это первая посильная жертва, которую мы можем принести ожидающему нас Господу. То, что вы нашли нужным исповедовать, непременно расскажите священнику, вырывая из сердца всякий грех, каким бы отвратительным он вам ни казался.

Чрезвычайно важна здесь роль священника как помощника, а еще более, как совершителя таинства. Покаянная беседа – есть первый практический шаг к главной Истине, непосредственный опыт покаянного предстояния Богу в присутствии духовного лица. Ничего кроме пользы такая беседа не принесет. Важен этот опыт и психологически, т.к. он помогает снять естественный страх перед первой исповедью. В дальнейшем, даже если человек «затеряется» и «проскитается» еще какое-то количество лет после крещения вне Церкви, память о том, что такое настоящая исповедь, сослужит ему хорошую службу в момент окончательного возвращения в церковную ограду. Само собой разумеется, что подобная беседа должна быть проведена священником с особой серьезностью и тактичностью.

Форма молитвословия может быть, на наш взгляд, избирательной. Из настоящего чинопоследования исповеди можно выделить, до начала самой беседы, молитвы предначинательные: «Трисвятое» по «Отче наш», покаянные тропари и 50 Псалом. Затем «Се, чадо, Христос невидимо стоит...» (желательно произнести это место по-русски), после чего сразу же начинается разговор с кающимся. После окончания беседы, в качестве заключительной, уместнее всего чтение молитвы «Господи Боже спасения рабов Твоих». На словах «Сам и ныне умиловивися о рабе Твоем», можно сделать добавление «о **будущем** рабе Твоем», но можно и не добавлять, следуя традиции святых отцов, называющих оглашенных братьями еще до крещения.¹ Не противоречат сути совершаемого действия и другие места этой же молитвы, например: «и подаждь ему(ей) образ покаяния», а также: «примири и соедини его(ее) святей Твоей Церкви». Все эти выражения вполне согласуются с духовным состоянием оглашаемого непосредственно перед крещением.

Содержание беседы помимо обычного, хотя и истолкованного, вопросника должно строиться, применительно к личности кающегося. Не стоит безрукому кающемуся калеке слишком долго доказывать, почему нельзя воровать, так же как и матери, потерявшей недавно сына, объяснять, почему чрезмерное веселье

¹«Называю вас братьями еще прежде рождения и приветствую вас, как родных, еще прежде нежели вы родились.» Св. Иоанн Златоуст. Первое огласительное слово. Творения. Т. II. СПб., 1899, с.251.

отвергается христианским сознанием.

На наш взгляд, следует особо затрагивать проблему зрелищ. Двойственный, причем гипертрофированный в негативную сторону, характер современного массового искусства с его чрезвычайно мощными способами воздействия на человеческую психику не позволяет Церкви пройти мимо этой проблемы. Священник обязан предупредить крещаемых о том, что душа, постоянно питающаяся нездоровой духовной пищей, постепенно утрачивает всякий нравственный иммунитет, перестает различать между добром и злом.

Глава V

ПРАКТИКА ПРИХОДСКОГО КРЕЩЕНИЯ И ВОЦЕРКОВЛЕНИЯ

В этой главе будет предпринята попытка богословского осмысления существующих проблем приходского крещения и воцерковления, а также возможного разрешения этих проблем средствами современной сакраментально-литургической практики. Как уже говорилось в начале работы, тема крещения не является для нас самостоятельной, т.е. литургической по преимуществу; история формирования чинопоследования таинства и истолкование его отдельных частей – задачи богословия литургического. Поэтому в предлагаемой главе освещение указанных вопросов будет носить все тот же пастырско-практический характер, несмотря на то, что объем прямой речи здесь значительно уменьшен.

Крещение

Перед крещением священник в очередной раз обращается к вновь пришедшим (если таковые есть), среди которых стоят уже прошедшие оглашение и покаянную беседу неопиты. К последним подобное обращение, разумеется, не относится. После того, как окончены заключительные приготовления, священник приступает к совершению таинства. Следует сразу же отметить, что на протяжении последующих полутора часов чувствуется серьезное и активное участие оглашенных в молитве и прочих действиях по ходу таинства. Их усердие особенно заметно в сравнении с теми, кто допущен к крещению без оглашения* или пришел в первый раз (например, как родственник) и остался в качестве нетерпеливого праздного зрителя. Именно ради этих недоумевающих людей приходится повторять многие ключевые моменты катихизации уже по ходу крещения. Иногда это вполне органично, иногда нет, ибо, как правило, даже один кричащий ребенок сводит на ноль любые усилия самого талантливого священника-кахитизатора. Это первая практическая причина, по которой традиция однократного оглашения во время

* Такие случаи тоже бывают, и избежать их не так просто.

самого таинства должна быть признана неудовлетворительной.** Вторая причина заключается в том, что при подробном объяснении крещаемым сути происходящего в самый момент крещения, ступшевывается другая важная, собственно мистическая сторона таинства: люди слышат слова, но не чувствуют молитвы. Конечно, совершать краткие комментарии на каждую часть чинопоследования вполне оправдано; таковы, например, комментарии на слова «отречения» и «сочетавания», на земной поклон после фразы: «и поклонися Ему», помазание елеем, хождение вокруг купели, пострижение волос и пр. Это важно и нужно в том случае, если баланс между научением и молитвенным сосредоточением не нарушается. Ибо, опять-таки повторяем, нормальная схема совершения таинства должна позволять крещаемому не столько получать информацию, сколько осознанно молиться.

Возвращаясь теперь к серьезнейшей проблеме Крещения и Евхаристии как к неразрывному литургическому акту, следует с грустью признать, что повсеместное удовлетворительное решение этой проблемы в Русской Православной Церкви наступит еще очень не скоро. По целому ряду уважительных причин далеко не каждый приход может позволить себе практику регулярных крещальных литургий. Отсутствует подобная практика и у нас: в Санкт-Петербургской общине церкви Богоявления на Гутуевском острове. Поэтому дальнейший разговор о литургическом крещении должен вынужденно ограничиться лишь той частью указанной проблематики, которая уже разрешается в нынешней приходской практике.

Как, например, сделать, чтобы первые шаги в Церкви были для крестившихся не только правильными, но и действенными? Участие в таинстве людей, занятых на предварительном оглашении, в какой-то мере разрывает замкнутый круг традиции крещения совершаемой по схеме частной «семейной» требы. Крещаемый чувствует молитвенную и просто дружескую поддержку тех, с кем он встречался в течение всей предыдущей недели. В какой-то мере этим снимается проблема «первого контакта». Общеизвестно, что крестившийся неопит беспомощно смотрит по сторонам и не знает, как и к кому обратиться, стесняется подойти к своим новым церковным «братьям» и «сестрам», которые в свою очередь, не делают этого первого важнейшего шага духовной помощи. В итоге человек уходит... В случае вышеизложенной катихизической практики «друзья и знакомые» у крестившихся сразу же появляются, однако, не многочисленные. Процент задействия приходской общины в крещении в целом, по-прежнему, очень невелик. На наш взгляд, важнейшим моментом в решении этого вопроса являются огласительные молитвы на литургиях предшествующей крещению недели.

Уже очень давно в литургическом богословии обсуждается проблема смысла

**Однако, не следует воспринимать подобное замечание в качестве жесткой непримиримой критики. В одноштатных приходах личное оглашение по ходу таинства – лучшее, что может позволить себе священник.

и необходимости этих молитв. «В настоящее время, – пишет архиеп. Михаил (Мудьюгин), – крещение взрослых – сравнительно редкое явление, и те немногие взрослые, которые приходят к Святому Крещению, не проходят специальной подготовки (обучения). Кроме того, они остаются неизвестными общине, и поэтому молитва за них не может сколько-нибудь затрагивать ум и сердце посетителей храма. Нечего и говорить, что призыв удалиться из храма остается бездейственным и никого не побуждает оставить богослужение, хотя на нем часто присутствуют не только готовящиеся к Святому Крещению, но и многие неверующие».^{1*} Еще радикальнее высказывается на эту тему архим. Киприан (Керн): «Неизвестно, о ком молится церковная община, когда диакон возглашает «помолитесь оглашению Господеви...», неизвестно, кого же диакон просит покинуть молитвенное собрание, когда он говорит «оглашению, изыдите...» Оглашенных нет, а молитва и ектения произносятся о тех, кого Церковь и вообще не имеет в ряду своих сочленов или вообще даже и не имеет в виду оглашать, просвещать и крестить... Рассуждения большинства церковных консерваторов о том, что мы по смирению должны применять к себе слова и прошения об оглашенных и приравнивать себя к ним – в достаточной мере натянуты».² Сторонники подобного взгляда указывают в качестве примера на православные греческие церкви, которые уже давно выпустили эту ектению, и у них за «сугубым молением» непосредственно следует херувимская песнь. Да и у нас в России, еще до революции, в эпоху подготовки к поместному собору, некоторые иерархи высказывались за упразднение этой специфической части службы, как не отвечающей никакой реальной нужде Церкви.³

Нам кажется, что эти, и подобные им, критические замечания естественно устраняются при последовательном возрождении практики оглашения взрослых, а главное нынешних восприимчивых крещаемых младенцев. Священник, даже если катихизировать и крестит не он, может и должен вставлять в указанные литургические ектении и молитвы конкретные имена оглашаемых, готовящихся в данный момент к таинству. Разумеется, списки таких имен должны быть представлены литургисающему священнику заранее. В этом современные начинания органично пересекутся с практикой древности.⁴ Мало того, произносить их вслух, чтобы прихожане знали, за кого они молятся. Например: «Вернии, о оглашенных: Василии, Николае, Василии, Александре, Татиане... помолимся, да Господь помилует их», «Господи Боже наш, иже на высоких живый и на смиренныя призираяй... призри на рабы Твоя (имя рек.) оглашенные, подклоньшыя Тебе своя выа...» Тем самым Церковь, как собрание верных, хотя бы опосредованно, участвует

¹Михаил (Мудьюгин), архиеп. В помощь при совершении общественного Богослужения. – Путь Православия. № 1, 1993, с.63.

*Эти слова написаны еще в «доперестроечное» застойное время, но, как это ни странно, они во многом согласуются с современностью. Действительно, волна массовых взрослых крещений подходит к концу, основным контингентом крещаемых становятся дети.

²Ср.: Киприан (Керн), архим. Евхаристия. Париж YMCA – PRESS, 1947, сс.188-189.

³См.: Шмеман А., прот. Таинство верных. Вестн. РХД № 114, 1974, с.15.

⁴Ср.: Св.Кирилл Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные, М., 1991, с.1.

в таинстве приема в свое «Естество» своих новых членов. Очевидно, что подобное начинание полностью применимо и к младенцам. Дети накануне крещения в не меньшей степени нуждаются в церковной молитве. На наш взгляд, даже подобный минимум приносит огромную пользу.

Заканчивая разговор о практике приходского крещения, нельзя не остановиться на личности совершителя таинства. Из Православной сакраментологии Церкви известно, что благодатная действенность отдельных таинств, а также всего богослужения в целом, не зависит от личных качеств и духовного опыта священнослужителя. Но это вовсе не означает, что личность и поведение священника во время богослужения не играют никакой роли и не влияют на духовное состояние людей, приступающих к святым таинствам и участвующих в церковных священнодействиях. Прекрасно высказывается на эту тему уже цитированный нами владыка Михаил, к его метким практическим наблюдениям просто нечего добавить: «Со всей категоричностью мы должны сказать, что степень духовности священника, его общий духовный и культурный уровень, его богословская подготовленность и особенно его молитвенность и душевный настрой при совершении богослужений оказывает громадное влияние на всех присутствующих как непосредственным духовным воздействием, так и опосредствованно, через качественную сторону совершаемых молитвословий и обрядовых действий. Четкое, неторопливое и главное – осмысленно-выразительное произнесение молитв, ектений, возгласов, благословений и пр. содействует слуховому восприятию и переживанию слушателями их содержания... Наоборот, небрежное совершение обряда наводит зрителя на соблазнительную мысль, что обряд вообще излишен, совершается только формально и что, может быть, сам совершитель его не осознает, или вообще не верит в его значительность и действенность... Например, при том же Крещении, четко и громко произнесенные молитвы, тщательно совершенные обрядовые действия и особенно сопутствующие разъяснения, производят самое благотворное воздействие на всех присутствующих. Даже обходительность священника, ласковое отношение его к ребенку, вежливость и спокойная авторитетность в обращении со взрослыми, т.е. факторы общечеловеческие, имеют здесь огромное значение, располагая участников таинства к молитве, создавая условия для понимания и усвоения его благодатной сущности. Наоборот, поспешное и небрежное совершение обрядов, сопровождаемое невнятным бормотанием при отсутствии каких-либо пояснений и наставлений нарушает, а нередко исключает молитвенное настроение присутствующих... Благодать Божия воздействует на крещаемого в обоих случаях, но в первом из них священник оказывается соратником Бога (*1 Кор. 3:9*), вносит свой личный вклад в дело Божие, причем чин крещения приобретает большое религиозно-воспитательное значение, а во втором случае священник своим небрежно-наемническим отношением к делу противодействует благодати Божией, ограничивая ее воздействие только самим крещаемым и препятствуя ее попутному, но весьма важному и спасительному воздействию на остальных участников. В этом

случае вклад священника в дело Божие имеет отрицательный характер и потому к такому священнику в полной мере относится страшное слово Божие: «Проклят всякий, творящий дело Божие с небрежением» (*Иер. 48:10*)».¹

Воцерковление

Появление этого чина связано с уже описанными нами переменами, произошедшими в практике византийского оглашения VI-VII веков. Попытки формального сохранения катихизической традиции привели к искусственному перенесению сроков огласительной дисциплины с лиц возрастных на крещаемых младенцев. Последние вплоть до середины XII века в течение нескольких лет оглашались церковной молитвой и крестились не раньше трехлетнего возраста². Поскольку огласительные молитвы совершались в храме, то естественно потребовалось определенное богословско-литуургическое обоснование присутствия в церкви некрещеных. Появились первые части настоящего чина, который претерпел в истории значительные изменения.³ Например, обычай внесения младенцев в алтарь первоначально отсутствовал и появился лишь после того, как воцерковлять стали уже крещенных. В современном требнике чинопоследование воцерковления продолжает предшествовать чину крещения несмотря на то, что уже с XIV века практика воцерковления соответствовала нынешней, т.е. совершалась после крещения. Это объясняется самим содержанием чина воцерковления. Как известно он состоит из двух частей: молитв на очищение матери (роженицы) и собственно воцерковления – введения младенца в церковь. Первоначально и то и другое действие находились в тесной связи: молитвенное оглашение ребенка начиналось сразу же после рождения, но поскольку в церковь младенец приносился матерью, то это первое посещение храма не могло наступить раньше сорокового дня. После того, как традиция длительного детского оглашения была забыта, совершение воцерковления постепенно приобрело свой настоящий вид. Молитву «матери» читают теперь либо до крещения, позволяя ей тем самым участвовать в таинстве, либо в самом конце, что естественно делает ее вынужденным сторонним наблюдателем. (Последняя традиция особенно оправдана, когда крещение младенца совершается раньше сорокового дня).

Все вышесказанное позволяет говорить о воцерковлении, как об акте спекулятивном, возникшем в церковной истории только в связи с распространившимся младенческим крещением, ибо христианская древность не содержала подобного акта для взрослых лиц. Естественно возникает вопрос: как же тогда относиться к нынешней практике воцерковления, которая реализует указанный чин не только для младенцев, но и для взрослых? Ответить на него не так просто. Рассмотрим для начала данное чинопоследование в его практическом приходском осуществлении, т.е. вернемся к теме церковного пастырского общения

¹Ср.: Михаил (Мудьюгин), архиеп. Указ. соч., сс.37-39.

²См.: Арранц М., о.и. Исторические заметки о чинопоследовании таинств. ЛДА, 1979, с.18.

³См.: Алмазов А. Указ. соч., сс.476-498.

на этот раз с уже катихизированными, покаявшимися и крестившимися людьми.

После того, как крещение закончено, священник просит людей не расходиться, поставить догорающие свечи на подсвечники и подойти к солее. Здесь он сообщает о том, что сразу же после крещения следует чин воцерковления, проводит его первую часть с целованием местных икон и введением крестившихся мужчин в алтарь (в этот момент полезно указать на существующую разницу в церковном христианском служении, которая не должна пониматься как превосходство одних христиан над другими. Якобы принижаемым в Церкви женщинам следует напомнить об их особом достоинстве и служении на примере Божией Матери), после чего приступает ко второй заключительной части воцерковления.

– В Евангелии содержится рассказ о том, как младенец Христос был принесен на сороковой день в Иерусалимский храм для традиционного посвящения Богу. По иудейскому закону каждый первый мальчик, родившийся в еврейской семье, должен был пройти это символическое посвящение. В храме был праведный человек по имени Симеон, которому было обещано Богом, что он не умрет до тех пор, пока не увидит Мессию. И вот среди многих детей, которые ежедневно приносились в Иерусалимское святилище, Симеон узнал Богомладенца Христа и произнес над Ним молитву, которая и по сей день звучит в православных храмах: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко...» (Лук. 2:22-35). Именно это событие послужило основанием для настоящего чина воцерковления. Мы знаем, что через Боговоплощение обновляется и освящается все человеческое естество у любого человека. Апостол Павел говорит, что у людей живущих во Христе нет разделяющего преимущества ни в национальной, ни в социальной, ни в половой сфере: «нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все мы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28). Отныне Бог приемлет всякого верующего человека, который соответственно нуждается в посвящении и значит, в воцерковлении.

Последнее важно еще и по другой причине. Как вам кажется, что было бы с человеческой религиозностью, не имей она определенной точки опоры? Очевидно, что вера «без присмотра» – прямой шаг к суеверию. Церковь – вот та сверхъестественная точка опоры, которая не позволяет истинному Откровению раствориться и исчезнуть в океанах фальшивых религиозных домыслов. «...Церковь Бога живого столп и утверждение Истины» (1 Тим.3:15), т.е. гарант беспорочного сохранения божественной Правды в человеческой истории. В Церковь приносит Себя Христос, показывая нам путь жизни, в Церковь вводит нас таинство Крещения, завершаемое настоящим обрядом.

Помните, что теперь вы незримо вошли в семью православного народа Божьего, стали христианами, сродниками христиан, и теперь они обращаются к вам, называя вас «братьями» и «сестрами». В каком-то смысле это чудесно, люди чужие друг другу по крови, в Телe Христовой Церкви, становятся близкими и духовно родными. Помните, однако, и то, что это родство не только сообщается, но и

достигается. Человек может отказаться от духовного единства так же точно, как и от единства кровного. В Телe Церкви могут находиться, наряду с живыми полноценными членами, члены больные, умирающие, которые можно сравнить с гвоздями, вбитыми в тело Спасителя на Голгофе... Не будьте такими, не забывайте Церковь, не избегайте ее таинственной жизни. Напоминаю вам, что человек не причащающийся сознательно лишает себя единства с Господом, а значит и заповеданного духовного совершенства. Апостол Павел говорит, что в Церкви мы приходим в меру возраста Христова (*Еф. 4:13*). Физический рост от нас не зависит, духовный, напротив, зависит только от нас: Бог не освящает человека без его желания, не совершенствует без его усилий.

Сегодня мы с вами прощаемся, но уже завтра Бог ждет от вас первого христианского усилия: приходите причащаться. Взрослым нужно прийти в 10.00, младенцев необходимо принести не позднее 11.30. Первый раз и те, и другие причащаются без исповеди, в дальнейшем, для взрослых, желающих участвовать в Евхаристии, исповедь обязательна, для причащающихся детей исповедь начинается после семи лет.

Затем священник произносит обычное окончание: «Премудрость», «Пресвятая Богородице, спаси нас» и пр., после чего следует положенный по чину отпуст «Иже во объятиях праведнаго Симеона носитися изволивый...» Священник дает целовать крест и прощается.

– Теперь вас можно поздравить с началом новой жизни. Надеюсь, что наши встречи на этом не закончатся. А пока что, всего вам доброго, храни Господь.

Как видим, «акт не имеющий никакого санкционирующего значения», обряд возникший в церковной истории вследствие искусственной богословской спекуляции, становится весьма уместным и литургически оправданным при условии правильной интерпретации.¹ А, значит, и сам этот обряд, вошедший в литургическую практику как результат духовной немощи, воцерковляется и приобретает онтологическое значение силою живущего в Церкви Святого Духа. Это не означает, конечно, что любые богослужебные несуразности и богословские надуманности, время от времени засоряющие земную ткань Богочеловеческого Организма, должны быть рано или поздно авторитетно оправданы (этак, пожалуй, и существующую практику оглашения и крещения надо признать за подлинно аутентичную). Но в то же время нельзя не признать, что воцерковление в его настоящем виде с соответствующим истолкованием, – важный литургически-значимый акт.

Говорим это, с целью воспрепятствовать двум одинаково опасным, периодически сотрясающим церковный Организм, тенденциям: жесткого канонического буквализма и беспринципного литургического модернизма. Ибо и та, и другая ориентация одинаково тупиковые, т. к. подменяют подлинную церковную жизнь: с одной стороны, сухим неизменным правилом, и необузданным человекоугодническим новаторством, с другой. Поэтому, когда речь заходит о

¹См.: Алмазов А. Указ. соч., с.480.

необходимости изменений в том или ином обычае или предании, нужно всегда проявлять крайнюю осторожность и ставить вопрос не о соответствии или несоответствии его «канону» или «современности», а о том, выражает ли он собою нечто вечное и существенное в христианстве,¹ соответствует ли он тому Духу, Который всегда наполняет и обновляет Церковь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Считаем, что на этом главная часть работы может быть закончена. Перейдем к заключительным выводам.

Как видим, представленный огласительный опыт сильно отличается от древне-церковной катихизической традиции. К сожалению, апостольский идеал оглашения: «...работая Господу со всяким смиренномудрием..., среди искушений, приключавшихся мне по злоумышлениям иудеев..., я не пропустил ничего полезного, о чем вам не проповедовал бы и чему не учил бы вас всенародно и по домам, возвещая иудеям и эллинам покаяние пред Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа... Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас» (*Деян. 20:19-21, 31*), до сих пор остается в качестве заветной, но неисполнимой нормы. Вместо трех лет, мы оглашаем три дня, понимая, что без соответственных общецерковных постановлений, обязать желающих креститься к более продолжительному начальному приготовлению, просто не удастся.* Поэтому, в прямой связи с настоящим огласительным сроком, находится и настоящая огласительная задача: не имея возможности научить «всему, не пропуская ничего полезного», необходимо попытаться убедить оглашаемых в том, что крещение является важнейшим жизненным шагом, к которому необходимо отнестись со всей серьезностью и ответственностью. Самой подходящей для этой цели категорией может послужить нравственная категория честности («постсоветскому» человеку это хорошо понятно). «Скажите, разве честно и для вас и для священника совершать таинство «вслепую»? Вы, – не знаете, во что креститесь; священник – не знает, кого он крестит...»**

Конечно, большая часть приходящих настроена доброжелательно, но это не

¹См.: Шмеман А, прот. Таинство верных. Вестн. РХД. № 114, 1974, сс.17-18.

*Следует помнить, что крестим мы, по большей части, не тех, кто обращен к вере нашей миссионерской проповедью, а тех, кто пришел самостоятельно за церковно-обрядовым подтверждением своей смутной религиозности.

**Иногда даже отрицательные плоды катихизического общения в подобном контексте могут расцениваться как успех. Автору вспоминается скептически настроенная тридцатилетняя женщина, которая ухмылялась и провоцировала его всю первую беседу; второй раз она, напротив, была предельно сосредоточена, а в конце беседы (после разговора о смысле и необходимости предварительного покаяния) серьезно спросила: «Это что значит, что мне больше нельзя грешить? – Да». После этого она уже не приходила, и мы можем сказать, что это хотя и горькая, но все-таки победа. Ибо для Церкви нет реальности болезненней и страшней, чем люди, входящие в ее Тело без всякого желания нравственной перемены.

исключает возможности определенной, иногда трудной, полемики, особенно на первом занятии. Катихизатор должен быть готов к ней и внешне, и внутренне. Под внешней подготовкой следует разуметь богословскую и общекультурную эрудицию, а также необходимое в подобных случаях чувство такта. Гораздо сложнее с подготовкой внутренней. Поскольку «целью православной катихизации является не передача специфической информации (например, сведений о жизни Христа, истории Церкви и т.д.), а воспитание чувства благоговения, любви к Богу и к людям, то это естественно требует от катихизатора соответственного личностного отношения и духовного настроения».¹ В тупиковых ситуациях чрезвычайно полезно обращаться к собственному духовному опыту, ибо книжные примеры убеждают не всех и не всегда. Наконец, при более близком знакомстве, когда катихизатору становятся ясны главные мотивы крещения своих подопечных, следует уметь построить оставшееся время оглашения в соответствии с их жизненным опытом. Например, если катихизатор узнает, что сидящие перед ним мать и дочь пришли креститься, потому что глава их дома ушел в другую семью, нужно попытаться более подробно поговорить именно об этом и т.д. Словом, оглашение в современных условиях требует от катихизаторов большой духовной отдачи. Последними могут быть (а в практике нашего прихода ими являются) активные миряне с надлежащими качествами. Значение их помощи священнику трудно переоценить, и, кроме того, этим снимается важная проблема практической церковной самореализации лиц, не находящихся в священном сане.

Традиция крещения представлена в работе в связи с вопросом о необходимости совершения этого церковного акта, как евхаристически-соборного. Нам трудно сейчас авторитетно судить о том, возможно ли было в христианской Византии (а затем и в России), при преобладающем детском контингенте крещаемых, более приемлемое церковное сохранение или восполнение древней огласительной дисциплины. Одно совершенно ясно: отделение Крещения от соборной Евхаристии могло и должно быть преодолено в исторической Церкви и богословски, и литургически. В рассмотренный нами период этого, к сожалению, не произошло, но есть надежда, что это произойдет во времена нынешние... На наш взгляд, одной из возможных положительных перспектив в этом направлении могла бы стать, санкционированная церковной властью, практика трехразовых литургических крещений с соответственной огласительной подготовкой. Последнюю можно проводить, например, от Пасхи до Успения, от Успения до Рождества, от Рождества до Пасхи и т.д., причем время катихизации может быть приурочено к занятиям воскресной школы. Конечно, параллельно этому должна присутствовать, также литургически-соборная, практика «незамедлительного» младенческого крещения по факту рождения последних от церковных родителей.² Но это никак не относится к детям, чьи родители и предполагаемые крестные

¹Каледа Г., прот. Указ. соч., сс.21,24.

²см.Афанасьев Н., прот. Указ. соч., сс.106-107.

исчерпывают свою церковность одним моментом крещения.* Именно через этих людей современная Русская Православная Церковь может исправить тот досадный исторический промах, который был неосознанно допущен церковной властью во времена перестройки.

Наконец, изложенная в работе традиция исторического восприимчивости позволяет надеяться на дальнейшее общецерковное богословское обсуждение этого вопроса с последующими теоретическими и практическими выводами. Нам кажется, что вполне возможно (традиционно приемлемо) позволять физическим родителям быть крестными у собственных детей, особенно тогда, когда достойные крестные отсутствуют.** Кроме того, как уже сказано в теоретической части, не стоит в существующую, богословски значимую, схему двойного духовного поручительства вносить на практике нереализуемый тезис о примате ответственности духовных родителей за религиозно-нравственное воспитание своих крестников. Молиться духовные родители обязаны (что они, кстати, с радостью и делают), свидетельствовать нравственным примером о серьезности христианского мировоззрения (особенно в периоды юношеского максимализма, когда дети жестко критикуют убеждения и поступки своих кровных родителей) тоже должны; но подвергаться сугубому преимущественному ответу за духовное возрастание тех, с кем они не в состоянии постоянно всецело соприкасаться – едва ли... Уместнее говорить об ответственности двойной, причем на родителей физических должна быть возложена большая ее часть, ибо именно они дерзнули испросить у Бога новые души, ввести в этот мир неповторимые личности.

В заключение следует сказать, что плоды настоящей практики не могут быть грандиозными; известно, что пожинаем мы только то, что посеяли. Процент полной воцерковляемости вступающих в Церковь по указанной схеме естественно не высок. Но все-таки, несмотря на то, что большая масса крестившихся неизбежно теряется, какая-то часть сознательно остается, и священнику радостно видеть этих людей в качестве самой дорогой награды. Да и те остальные, кто и после получения прав на огромное наследство все-таки не решаются остаться в доме Отчем и пускаются в известное своими последствиями путешествие (см. Лук. 15:11-32), надо думать, подспудно сохраняют память о «дворах Господних». Мы имеем надежду, что они вернуться сюда раньше одиннадцатого часа (см. Мф. 20:1-16).

*Т.е. такое лицо никогда не исповедовалось, знать не знает, что такое причастие и вовсе не собирается регулярно посещать храм

** Практика наименования в подобных случаях восприимчиком крестившего священника или кого-то из присутствующих в церкви верующих должна быть признана глубоко ошибочной

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русск. пер. с комм. – Брюссель, 1983.
2. Дидахе. Учение Двенадцати Апостолов: Писания мужей апостольских. – Рига, 1992.
3. Св. *Иустин Философ и мученик*. Творения. – Библиотека отцов и учителей Церкви. Т.1. – М., 1995.
4. Св. *Игнатий Антиохийский*. Послание к Ефесянам: Писания Мужей Апостольских. – Рига, 1992.
5. *Тертуллиан*. О покаянии. – Творения. Ч.2. – СПб., 1847.
6. *Тертуллиан*. О Крещении. – Избранные сочинения. – М., 1994.
7. Св. *Ипполит Римский*. Апостольское предание. – Богословские труды. № 5, – М., 1980.
8. *Дионисий Ареопагит*. О церковной иерархии. – СПб., 1855.
9. Св. *Кирилл Иерусалимский*. Поучения огласительные. – Творения. – М., 1855.
10. Св. *Кирилл Иерусалимский*. Поучения огласительные и тайноводственные. – М., 1991.
11. Св. *Иоанн Златоуст*. Первое огласительное слово. – Творения. Т. II. – СПб., 1899.
12. *Преп. Максим Исповедник*. Примечания к трактату «О церковной иерархии». – Писания Отцев и Учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т. I. – СПб., 1855.
13. Свт. *Феофан Затворник*. Собрание писем. Вып. VII., – М., 1901, с. 217.
14. Св. *Николай Японский*. – В кн.: Накамура К. Дневники Святого Николая Японского. – Хоккайдо, 1994, сс. 7-9.

Дополнительная литература

15. *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси*. Обращение к клиру и приходским советам храмов города Москвы. – Московский Церковный Вестник. № 1. – М., 1998, сс. 1-3.
16. *Алмазов А.* История чинопоследований Крещения и Миропомазания. – Казань, 1884.
17. *Антоний (Храповицкий), митр.* Исповедь. – М., 1996.
18. *Арранц М., о.и.* Исторические заметки о чинопоследовании таинств. – ЛДА, 1979.
19. *Арранц М.* Чин оглашения и крещения в древней Руси. – Символ. № 19. 1988, сс. 69-100.
20. *Афанасьев А., прот.* Вступление в Церковь. – М., 1993.
21. *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество. – Вехи. М., 1991.
22. *Голубинский Е.* История Русской Церкви. Т.1. Ч. I-II. М., 1997.
23. *Желудков С., свящ.* Письма к атеисту. – В сб.: Христианство и атеизм. – Брюссель, 1982.
24. *Каледа Г., прот.* Задачи, формы и структуры катехизации в Русской Православной Церкви в современных условиях. – Путь Православия. № 1. М., 1993, сс. 19-32.
25. *Карташев А.В.* Очерки по истории русской Церкви. Т.1. – М., 1991.
26. *Киприан (Керн), архим.* Православное пастырское служение. – СПб., 1996.
27. *Киприан (Керн), архим.* Евхаристия. – Париж, 1947.
28. *Кирилл (Гундяев), митр.* Рождественское интервью. – Аргументы и факты. № 1-2., 1998, с. 3.
29. *Лосский Вл.* Догматическое богословие. – Киев, 1991.

30. Любый Ф., священник. Сравнительный анализ чина оглашения и крещения в древней Руси и чинопоследования оглашения и крещения в настоящее время. – ЛДА, 1989, (машинопись).
31. Мейендорф И., прот. Введение в святоотеческое богословие. – Вильнюс-Москва, 1992.
32. Михаил (Мудьюгин), архиеп. В помощь при совершении общественного Богослужения. – Путь Православия. № 1., 1993, сс. 33-86.
33. Одинцов Н. Порядок общественного и частного богослужения в древней России до XVI века. – СПб., 1881.
34. Соловьев Вл. Догматическое развитие Церкви. – BIBLIOTHEQUE SLAVE DE PARIS COLLECTION SIMVOL 5, 1994.
35. Соловьев Вл. Оправдание добра. Собрание сочинений. Т. VII. – СПб., 1909.
36. Гростников В. Понимаем ли мы Евангелие. – М., 1997.
37. Фома Кемпийский. О подражании Христу. – СПб., 1847.
38. Цветник Духовный. Назидательные мысли и добрые советы, выбранные из творений мужей мудрых и святых. – М., 1909.
39. Шмеман А., прот. Водю и Духом. – М., 1993.
40. Шмеман А., прот. Таинство верных. – Вестн. РХД. № 114, 1974, сс. 13-28.